

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Випшевского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, К. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

Под славными знаменами

Как боевой рапорт, выглядят газетные строки, сообщаящие о радостных событиях и делах советских людей.

Коллектив пятого промысла треста «Молотовнефть» в Азербайджане выполнил план первого квартала на 141 процент и получил почетное наименование «Лучшего нефтепромысла Советского Союза».

В третий раз шахта имени Ильича в Криворожье завоевала первенство в соревновании предприятий железнодорожной промышленности Юга страны.

Бурят-Монголия добилась права участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Правительство наградило орденами строителей Большого Шадринского тракта имени Сталина.

Летчик Черевичный с отрядом ученых совершил третью посадку на лыжи в Полярном бассейне.

Лауреатам Сталинской премии вручены дипломы.

Различные места займут эти факты в хронике событий последних дней апреля 1941 года. Может быть, через короткое время они затеряются в потоке известий, сообщаемых каждодневно газетами, и уйдут из памяти, вытесненные свежими, более крупными событиями. На большую историческую значительность они не претендуют. Это — лишь крупницы жизни нашей великой родины, предельные вестники о совершаемых трудовых подвигах. Но какой глубокий смысл они приобретают, когда мы сравним краткую сводку предпринятых сообщений нашей печати с телеграммами, идущими из стран капитализма! Социализм и разрушение. Счастье и страдание. Мир и война. Никогда так различно не выступала противоположность между жизнью Страны социализма и условиями существования сотен миллионов людей за ее пределами.

Не оттого ли растет наша гордость за свою родину, что любой факт из любой области жизни все более резко подчеркивает эту противоположность?

Каждое событие воспринимается нашим сознанием в свете того, что происходит сейчас за рубежом. Уже двадцать месяцев длится вторая империалистическая война. За истекший год она переросла в мировую. Трудно найти хотя бы одно капиталистическое государство, оставшееся в стороне от схватки. Десятки народов потеряли свою независимость. Над остальными висит угроза стать жертвой злобнейшей игры интересов крупных империалистических государств. Даже страны, формально сохраняющие нейтралитет, фактически распроданы между борющимися лагерями, прямо или косвенно связанные с ними. И только Советский Союз сохранил действительный нейтралитет и уверенность в своих силах. На его границах царит мужественное и бдительное спокойствие.

Случилось так, что страна, находившаяся больше, чем все остальные, под угрозой нападения, подвергавшаяся неодо-

кратно авантюристическим провокациям, осталась страной мира, тогда как все кругом запылало в огне. Случилось это потому, что народ был во-время предупрежден, видел и создавал опасность, шел на жертвы, чтобы защитить себя от грядущего покушения, не жалел ничего для укрепления обороноспособности своей земли.

И теперь он готов все сделать, чтобы умножить боевую мощь своей армии, вооруженных сил, стоящих на страже социализма.

По традиции, в дни праздников мы подводим итоги сделанного. И, конечно, в первой графе достижений мы поставим сегодня свое военное могущество. На первомайских парадах перед трупящими пройдут полки героической красной пехоты, прогрямят кодоны танков, бронемашин и мощной артиллерии, прочтется конница, в небе проплывут эскадрильи бомбардировщиков и истребителей, у берегов морей и океанов станут на якорь грозные флотилии кораблей. И все, в ком бьется сердце советского патриота, скажут: это сделали мы, это плоды многолетнего труда наших рабочих, результаты бессонных ночей наших ученых и изобретателей; это итоги неимоверных усилий нашего замечательного народа и его неусыпных забот о завтрашнем дне.

Правильность государственной политики лучше всего проверяется в исторически ответственные периоды жизни народов. Современная международная обстановка дает достаточное количество фактов, чтобы судить, насколько верно это положение. Навряд ли еще когда-нибудь было так ясно, что политика правительства СССР — и внешняя и внутренняя — блестяще выдержала все испытания. Ее жизнеспособность и преимущественно в сравнении с политикой остальных государств доказана на деле. Именно это приносит нам наибольшее удовлетворение. Неизменно вырастает в нашем представлении величие ленинско-сталинской линии развития страны. Какой прозорливой силой звучат в наши дни слова товарища Сталина, обращенные к работникам промышленности: «Хотите ли, чтобы наше социалистическое общество было побито и чтобы оно утерало свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил во время Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Мы отстаем от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сожгут».

Это было немногим больше десяти лет назад, в феврале 1931 года.

Чтобы не ошибаться в политике, надо смотреть вперед. Такова формула сталинского руководства. Она воплотилась в исключительной по размаху и революционному значению строительной работе, какую проделал советский народ, борясь за независимость своей родины — политическую, военную, экономическую. Когда в памяти встают непамятные годы борьбы за индустриализацию страны, за поворот деревни на рельсы колхозов, от них протягивается прямая нить к нашему сегодняшнему, в тысячный раз напоминающая о том, какой опасности избежала наша родина благодаря железной последовательности большевиков в проведении сталинской политики построения социализма.

Верный своему историческому призванию и долгу перед трупящими всего мира, советский народ под защитой Красной Армии продолжает славное дело строительства коммунизма. Путевкой в будущее, боевым зашифром прозвучало печально по всей стране решение партии о составлении генерального плана развития народного хозяйства СССР на ближайшие пятнадцать лет. Перед живущими поколениями, перед нашими современниками, как реальная и конкретная задача, предстала, таким образом, перспектива достижения мирового экономического перевеса.

В то время как мир капитализма все богатства, созданные трудом народов, использует в целях войны, социалистическое общество стремится всячески расширить фронт строительства. Посмотрите на цифры утвержденного XVIII партконференцией хозяйственного плана! Они говорят сами за себя. В них — то же большевистское упорство, с которым разрабатывались многие и многие сложные задачи революции. В них — та же ответственность за дело народа, которой всегда были сильны большевики. В них — творческий дух народа-созидателя, научившегося преодолевать любые трудности.

В то время как мир капитализма все богатства, созданные трудом народов, использует в целях войны, социалистическое общество стремится всячески расширить фронт строительства. Посмотрите на цифры утвержденного XVIII партконференцией хозяйственного плана! Они говорят сами за себя. В них — то же большевистское упорство, с которым разрабатывались многие и многие сложные задачи революции. В них — та же ответственность за дело народа, которой всегда были сильны большевики. В них — творческий дух народа-созидателя, научившегося преодолевать любые трудности.

В первомайских лозунгах Центральный Комитет нашей партии призывает трупящихся крепить дисциплину и организованность, воспитывать и готовить трудовые резервы, заботиться о производительной культуре, чистоте и порядке, о точном исполнении советских законов. Нам нужны больше, чем когда бы то ни было, четкость и слаженность в работе всех звеньев нашего хозяйства и культуры, чтобы управлять совершенной техникой и двигать эту технику вперед. Дисциплина — это оружие, необходимое для дальнейшего наступления.

Советский народ гордо выходит сегодня на первомайскую демонстрацию, неся лозунги партии, как боевое знамя, как предвещание своих будущих дел, благородных и героических. Смело, не страшась, он глянет в будущее, чтобы в его маяющей дали снова увидеть себя победителем.

Композиция художника Н. Фидлера.

Лозунги к 1 Мая 1941 года

1. Да здравствует 1-е Мая — боевой смотр революционных сил рабочего класса! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
2. Братьям по классу, узникам капитала, борцам за освобождение рабочего класса во всем мире — наш братский привет!
3. Укрепим интернациональные связи рабочего класса СССР с рабочим классом капиталистических стран! Выше знамя международной пролетарской солидарности!
4. Да здравствует внешняя политика Советского правительства, политика мира между народами и обеспечения безопасности нашей родины!
5. Да здравствует наша родная Красная Армия — могучий оплот мирного труда народов СССР, верный страж завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции!
6. Трудящиеся Советского Союза! Не забывайте о капиталистическом окружении! Будем неуклонно укреплять нашу Красную Армию и нашу социалистическую разведку — ВЧК!
7. Да здравствует Военно-Морской флот Советского Союза — надежная охрана советских морских границ!
8. Да здравствует могучая советская авиация! Да здравствуют советские летчики — гордые соколы нашей родины!
9. Привет мужественным и бесстрашным бойцам-пограничникам, зорким часовым странам социализма!
10. Да здравствуют братский союз и дружба народов Советского Союза!
11. Стахановцам промышленности, транспорта, торговли и сельского хозяйства, знатным людям нашей страны — большевистский привет!
12. Добьемся выполнения и перевыполнения хозяйственного плана 1941 года — четвертого года третьей пятилетки!
13. Рабочие и работницы, инженеры и техники! Боритесь за ежедневное выполнение плана в каждом цехе, в каждой бригаде, на каждом станке и в каждой смене!
14. Рабочие и работницы, инженеры и техники! Боритесь за культуру на производстве, за чистоту и порядок в предприятиях и на транспорте!
15. Рабочие и работницы, инженеры и техники! Двигайте вперед новую технику, быстрее осваивайте производство новых машин, материалов и изделий!
16. Рабочие и работницы, инженеры и техники черной и цветной металлургии! Боритесь за увеличение производства металла, за его качество!
17. Рабочие и работницы, инженеры и техники машиностроительной промышленности! Боритесь за развитие самого передового в мире машиностроения!
18. Рабочие и работницы, инженеры и техники оборонной промышленности! Крепите оборонную мощь нашей родины! Вооружайте Красную Армию и Военно-Морской флот новейшей техникой!
19. Рабочие и работницы, инженеры и техники топливной и энергетической промышленности! Большевистскими темпами двигайте вперед добычу топлива и производство электроэнергии! Укрепляйте топливную и энергетическую базу СССР!
20. Работники химической промышленности! Боритесь за создание мощной химической промышленности нашей страны!
21. Товарищи строители! Боритесь за ускорение сроков строительства, за удешевление и высокое качество строен!
22. Рабочие и работницы, инженеры и техники легкой и текстильной промышленности! Больше шитья, шляпки, сумки, трикотаж, обуви, одежды для граждан Советской страны! Боритесь за высокое качество продукции!
23. Рабочие и работницы, инженеры и техники железнодорожного и водного транспорта! Боритесь за выполнение и перевыполнение государственного плана перевозок! Улучшайте работу советского транспорта!
24. Борьба с прогульщиками и дезорганизаторами производства есть борьба за укрепление мощи нашей родины и во Красной Армии. Да здравствуют трудовая дисциплина и образцовый порядок на предприятиях нашей родины!
25. Всемерно разовьем местную промышленность и промышленную кооперацию! Увеличим производство товаров широкого потребления из местного сырья!
26. Создадим мощные государственные трудовые резервы для промышленности и транспорта!
27. Колхозная и городская молодежь! Идите в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища! Готовьтесь стать квалифицированными работниками нашей родины!
28. Колхозники и колхозницы! Боритесь за образцовое завершение весеннего сева, за высокие урожаи и подьем общественного животноводства! Укрепляйте общественное хозяйство колхозов! Да здравствует зажиточная и культурная жизнь колхозов!
29. Служащие советских учреждений! Боритесь за укрепление государственной дисциплины, за точное выполнение советских законов!
30. Работники государственной и кооперативной торговли! Боритесь за лучшее обслуживание советского потребителя, за культурную советскую торговлю в городе и деревне!
31. За дальнейший расцвет социалистической культуры народов СССР, за новые успехи и завоевания советской науки, техники, искусства!
32. Да здравствует равноправная женщина Советского Союза — активная участница в управлении государством, хозяйственными и культурными делами нашей страны!
33. Воспитание всей массы членов профсоюзов в духе ленинизма — почетный долг советских профсоюзных организаций! Да здравствуют советские профсоюзы — школа коммунизма!
34. Развернем критику наших недостатков! Укрепим еще больше мощь и организованность нашего государства!
35. Да здравствует комсомол — верный помощник большевистской партии! Да здравствует советская молодежь — будущая наша родина!
36. Учащиеся советской школы! Овладевайте наукой, готовьтесь стать бойцами за дело Ленина—Сталина!
37. Дети — наше будущее. Воспитаем советских детей патриотами нашей родины, готовыми продолжать борьбу за дело Ленина—Сталина!
38. Физкультурникам и физкультурницам Советской страны — наш горячий привет!
39. Да здравствует и крепнет наша могучая родина — Союз Советских Социалистических Республик!
40. Да здравствует наш рабочий класс!
41. Да здравствует наше колхозное крестьянство!
42. Да здравствует наша, советская, интеллигенция!
43. Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков — передовой отряд трудящихся Советского Союза!
44. Да здравствует Коммунистический Интернационал — организатор борьбы за победу трудящихся!
45. Да здравствует великое, непобедимое знамя Маркса — Энгельса—Ленина—Сталина! Да здравствует ленинизм!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

ОБРАЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ДЕКАДЫ ТАДЖИКСКОГО ИСКУССТВА К РУКОВОДИТЕЛЯМ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Декадом встарь костер был разведен, Но вразбей был рукою засыпан он. Неведомо ликовало сердце алое: Умереть в темноте пламя золотое! Но жар в груди холодной праха ждал. Он сердце угля насекло прокала. Чистейшего огня живые синтики Века в земле таились, аселики. Вдруг земля взоры могучий, буйный выхрь. Сорвал дождь с сокровищ огненных. И новый запылал костер на дню. И окружая его народ счастливый. Так нашего искусства дивный свет Октябрь взвел из праха черных лет. Живых героев люди воспевают. А мертвых, рано ль, позало ль, забывают.

Но ты, Ильич, ты жив, ты — живая сама. Кто в силах жизни позавбег грома? Не победят сыны твои не могут: Не ты ль победы указал дорогу. Ты, мудрый, побратал народы все. Ты возродился в новой алл красе. И яркий блеск таджикского расцвета — Не отблеск ли твоих усилий светлый. Ты — в пламенном звучании наших слов.

В резьбе тончайшей наших мастеров, Тобой вдохновлены напевы наши. Осырлены средь пласясы деды наши. Пусть ныне, в этот праздник красоты, В день воплощения радужной мечты, Устами нашими народ таджикский. Как сын, тебе и преданный и близкий. Всех душ своих привзательных полет В единый гнет, в единый клич сольет: Спасибо за твой подвиг благородный. За жизнь, за труд наш творческий. Твой лучший друг, товарищ боевой, Наш прозорливый Сталин, Сталин дорогой

С товарищами верными своими. — Вот твой огонь, твой свет неугасимый. Советской всей державе — слава! И нашему родному Сталин-дедану слава! Из глубины наших душ ему спасибо! За ласку и радушие спасибо! За ласку участия, помощи сердечной Народ наш верною заплатит вечной. Долой мы едем, полные любви. Прошай, до новых встреч, народ Московы!

Участники декады таджикского искусства в Москве.

Декада армянской литературы в Москве

10 мая в Москве открывается декада армянской литературы.

Поэзия армянского народа занимала всегда одно из почетнейших мест в мировой литературе. Продолжая традиции великих агпугов Саят-Новы, Джавани и классиков поэзии, прозы и драматургии, современные армянские писатели обогащают литературу произведениями большой силы и свежести, в которых проявилось новое отношение к жизни. Их творчество популярно не только в Армении, но и во всем Советском Союзе.

В ближайшие дни ожидается приезд в Москву Аветика Исаянца, Деренки Демирчяна, Спраса, Араши, Натии Заряна, Степана Зоряна, Гагама Саряна, Гургена Борина, Овалеса Шираза, Ахавия, Рипсиме Гогосян, Согомона Таронци, Азата Витунци и Р. Гогосяна.

Творчество этих писателей, как и поэзия Ашота Граци, живущего в Москве, проникнуто социалистическими идеями, любовью к родине, благородством, нежностью и мужеством.

Активное участие в декаде примут русские писатели и переводчики, работавшие над переводами армянских поэтов: А. Агале, П. Антокольский, А. Безыменский, В. Державин, В. Звягинцева, В. Инбер, А. Кочетков, К. Липскеров, Б. Пастернак, О. Румер, М. Светлов, М. Тарковский, А. Тарковский, М. Шагинян, С. Шервинский.

Первый концерт армянской поэзии состоится в зале им. Чайковского. Вступительное слово скажет А. Фадеев. Доклад об армянской литературе сделает академик И. Орбели. Программа концерта разнообразна. В первом отделении будет представлена пародная лирика, поэзия Фика, Ахтамарши, Кучака, Саят-Новы, Джавани, Налбандяна, Патциниана и пародный эпос «Давид Сасунский». Во втором отделении слушатели ознакомились с творчеством О. Туманяна, П. Дуряна, А. Натуряна, А. Исаянца, В. Теряна, Д. Демирчяна. Третье отделение будет посвящено преимущественно творчеству молодого поколения армянских писателей.

В литературном концерте примут участие первоклассные мастера художественного чтения и лучшие артисты московских театров.

Кроме этого концерта, состоится вечер — в клубе писателей, в Военно-политической академии им. Ленина, во дворе культуры автозавода имени Сталина и в Клубе МГУ.

В клубе писателей организуется выставка «Литература Армении».

Конференция русских писателей союзных и автономных республик

В мае в Москве открывается создаваемая президиумом ССП конференция русских писателей, живущих в союзных и автономных республиках. Из Туркменистана приедут писатели Абсорский и Карягина. На конференции будут обсуждаться: повесть Абсорского «Намур-габи» и рассказы «Горы», роман Карягина «Клятва на бархане» и его рассказы.

Из Казахстана приезжают писатель Дубовицкий, написавший повесть «Разалин», рассказы «Залорор» и «Комсомольцы» и поэт Снегин. Творчество Чекуменова из Киргизии будет представлено повестями «Золотая осень», «Милый друг», «Комета» и оборонными рассказами. Из Киргизии приедут также Горчаков, представляющий в рукописях рассказы «Млад» и «Два охотника».

Конференция обсудит произведения писателей Азербайджана — стихи Иванова и повесть «Карабахская поэма» Гурюнца.

Из Белоруссии приглашены писатель Зубец и поэт Титов; из Татарии — драматург Голосинский, написавший пьесы «Ала», «Последний день» и «Дружба»; из Грузии — поэт Крейтан; из Армении —

Овчинников, написавший пьесу «Бесстрашие». Из Карело-Финской ССР приедет писатель Липневский. Будут обсуждаться его повести «Листы каменной книги» и «Как это было».

Разбору будут подвергнуты также стихи и пьеса «Межи» поэта-драматурга из Бурят-Монголии Метелицы; творчество поэта из Чувашии Бусыгина, литературоведческая работа Воронина из Мордовии «Новые материалы о Полежаеве», повесть Дюбина из Адыгеи «За бурный край».

Из Донбасса вызван поэт Павел Белопацкий, выпустивший книгу «Родина» и «Каменная книга», из Харьковской области поэт Тончий, из Днепрпетровска поэт Шехтер и из Одессы беллетрист Брусилковский.

Приглашены также писатели Басели (Кара-Калмакия), Фейзи (Крым), выступившие два сборника рассказов «Здравствуй, земля родная», «В августе» и пришедший рукописи комедии «Пятинальный директор»; поэт из Улмуртуй Писарев и писатель из Марийской АССР Вирюков.

К обсуждению произведений приглашенных писателей привлечена большая группа московских литераторов.

Страна, как тема

Любовь к родине — из чего она складывается? Из сознания, что в стране утверждена справедливый социальный порядок; из личной причастности к великому общему трудовому порыву; из ежечасно подтверждаемой веры в гениальный парад; из уважения к тому героическому, что было в его прошлом. И еще: из любви к родному ландшафту. К ландшафту в его глубоком понимании, к тому зримому единству, которое создается вокруг себя от воздействия на родную природу творческой энергии народа.

Любовь к стране в действии, в активной форме — это вошедшая в плоть и кровь идея гражданственности, государственного самосознания.

Народ должен знать свою страну во времени, знать те пути, по которым борьба привела его к сегодняшнему дню. Он должен знать страну в пространстве — видеть, как размещается жизнь и как она вписана в ландшафт. Эти две стороны тесно связаны — вся история лежит на географической карте, а география несет на себе след истории.

По узнавать мало, надо вчувствоваться. Любовь к стране питает глубокие эмоциональные образы, живущие в нас. История нас вдохновляет, например, образом Суворова. А география? Трудно себе представить, скажем, Ленинград без любви к Неве. И тут на сцену выступает искусство.

За последние годы мы немало сделали для развития патриотической темы в «художественной истории» — в историческом романе, в пьесе, в фильме. Но мы очень мало сделали для развития патриотической темы в «художественной географии». Больше того: можно сказать, что художественная география у нас почти не существует.

Слов нет, история всегда была ближе к литературе и искусству. Сложный клубок человеческих отношений, сияние исключительной личности, мощные движения народных масс — век за веком, одна тема ярче другой. Притом выбор темы здесь обогатен: самое время генерализовать события, откинув все бедное.

А в географии перед автором прежде всего встает хоть и бесконечно богатый, но еще не обогатившийся художественный мир; нужен ум и талант, чтобы обработать ландшафт мыслью, обобщить факты и убедиться, что и в географии главная тема — человек, общественный человек. В этом смысле география для искусства «труднее» история, но ведь зато география — сегодняшний день, а не вчерашний; это тот самый день, в котором мы живем.

Так мы оставляем в пренебрежении оружие, которое могло бы быть очень действенным. Мы недооцениваем художественной и воспитательной роли отечественности. И могучая тема остается почти неиспользованной.

Вот ее контуры.

Страна, которую по величине можно сравнивать с континентами и частями света: две Европы, почти половина Азии...

Страна, которая по потенциальной мощи природы богаче всех стран на земле...

Страна, которая так разнообразна, что на ее примере можно изучать почти все мировое земледелие...

Мы могли бы помогать читателю мыслить большими понятиями, мыслить государственно. Но все это мы покрываем одной и той же, давно известной фразой, ставшей штампом: «Наша страна широко раскинулась от Балтийского моря до Тихого океана, от Памира до Арктики», фразой, которая стереотипно открывает популярные брошюры.

У нас почти нет художественно-научных произведений, которые в образах раскрывали бы место нашей страны на земном шаре, своеобразные ее географические положения, величину ее богатств, общие проблемы размещения ее хозяйства. Все эти вопросы имеют государственное значение и могли бы быть перенесены в литературу. Но они остаются достоянием вводной главы учебника.

У нас есть книга «Родина», написанная коллективом авторов и изданная в 1939 году «Молодой гвардией». В этой книге, при всей ее ценности, сильно сказывается отсутствие единой творческой концепции. Главы сделаны разными авторами. Хотелось бы иметь книгу о стране, написанную одним автором из единого замысла.

Художественные книги о стране не должны быть чисто описательными. Ведь облик нашей страны непрерывно меняется. Тема активна. Она требует активного проблемного жанра.

Мы можем сказать, что важная тема новой, разумной географии, в свое время подчеркнута М. Горьким, у нас разрабатывалась — это факт мирового литературного значения. Мы имеем, например, ряд книг М. Ильина, где некоторые проблемы перестройки нашей страны социалистическим трудом раскрыты в географическом плане. Большой талант и высокая культура этого писателя позволили ему (особенно в книге «Горы и люди») вклиниться в специальную географическую проблематику. Но все же тема новой географии разрабатывалась у нас недостаточно полно.

Любовь к географии есть, в сущности, любовь к специфичности, к колориту места, к неповторимой окраске того или иного ландшафта. А в мире нет более разнообразной страны, чем наша.

Конечно, и в локальной художественной географии у нас есть выдающиеся имена. У нас есть такой удивительный художник, как М. Пришвин. Главное для него в географии, по его собственным словам, «...воспитание в себе чувства жизни, как движения». У нас есть К. Паустовский, создавший своим «Кара-Бугазом» новый тип книги, в своем роде образцовый. Талантливая П. Емельянова повестью «В Уссурийской тайге» доказала, что раскраска ландшафта можно строить, как рассказ о людях, его преобразующих. Детиздат выпустил два тома географического ежегодника «Глобус»; это хорошие, интересные и содержательные книги, местами не вполне, впрочем, предельно некоторую «ученую сухость».

По спросим себя: есть ли у нас хорошая художественная книга о какой-нибудь нашей республике? Есть ли у нас списавшие популярность книги о Поволжье, Урале, Сибири? Освоена ли вами художественно география новых советских территорий? Есть ли у нас вообще хоть одна поливно массовая художественно-географическая книга? Нет, нет и нет.

Подбор большинства изданных книг односторонен — они освещают экзотическую окраину, оставляя в тени прилегающий центр. Арктика, Кара-Кум, Памир, спора Арктика... Эти темы кула «спротопаншей и дегше». Но ведь именно в центре страны сосредоточена большая часть ее промышленности и населения, это ядро нашего союзного государства. Здесь — неисчерпаемое богатство тем, несравненно более глубоких, но, конечно, не так легко дающихся.

Вот вышла, наконец, художественно-географическая книга об одном из средних районов — книга о Мещоре К. Паустовского. Но Мещора — это скорее негативная сторона центра, это все та же окраина, хоть она и в центре...

География там, где путешествие. За советские годы написано немало интересного об экспедициях и перелетах. Это книги бывалых людей и корреспондентов. Но крупные наши писатели почему-то давно уже не работают над путевым очерком. Почти оборвалась эта линия русской литературы, так блестяще начатая Карамзиным и Пушкиным. Есть хорошие книги о путешествиях на Северный полюс, это большой успех. Но разве не интересно было бы прочитать богатую и умную книгу, скажем, о поездке в Ленинград? Ведь какие художественные возможности дает глубоко поэтический жанр путевого очерка, где дыхание пространства сочетается с точностью наблюдений, лическим чувством и публицистической мыслью. Мы не замечаем столько интересного вокруг себя, совсем редко. Мы часто забываем, что великая страна начинается у самых дверей нашего дома.

Из центральных издательств художественно-географические книги печатают почти один только Детиздат. Но и Детиздат выпускает их непростительно мало, притом они очень часто бьют выше возраста, так что самые младшие и вовсе остаются без географии.

Если детям не хватает художественной литературы по географии, то что же сказать о взрослых? Ведь «взрослые» издательства, особенно литературные, почти не издают популярных географических книг.

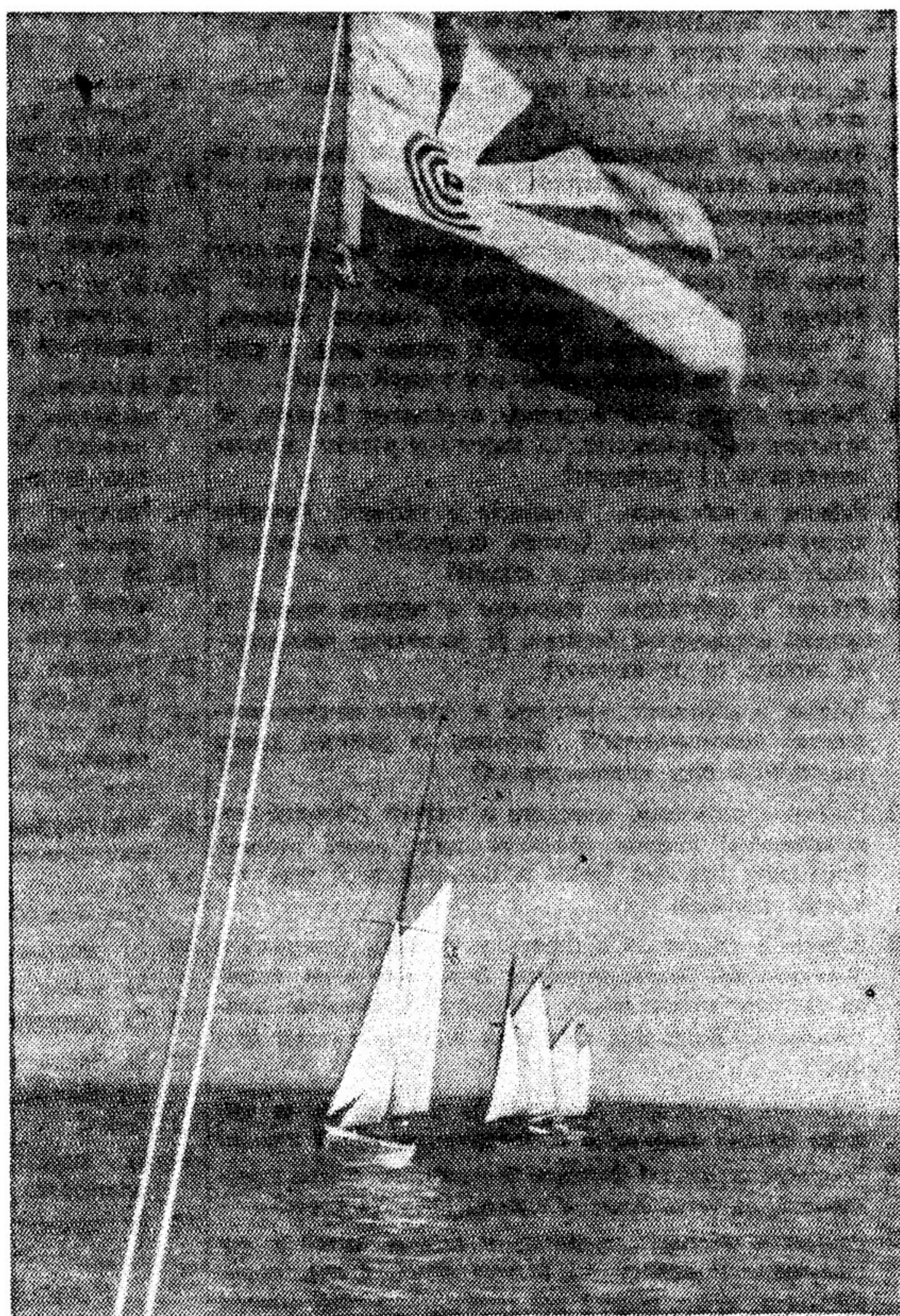
В общем, не в научно-специальном издательстве автору-географу приходится защищать свою рукопись. Слишком часто встречается он недостаточную географическую грамотность и, что еще обиднее, слабую заинтересованность в теме.

«В Карачае альпийские дуга...» «Откуда же на Кавказе Альпы?» «Альпийские дуга — это термин!»

«Владивосток лежит на широте Сухуми, но зима в нем архангельская...» «Причем здесь архангел?» «И диево в виду Архангельск!»

И книжки то и дело получаются сухие, похожие одна на другую. Стараются все прелестить своеобразно в ландшафте, в хозяйственно-историческом облик района. Так, Грузия и Армения начинают отличаться друг от друга лишь цифрами...

Разумеется, мы, советские люди, должны знать экономическую географию той области, где человек утверждает свое господство над природой. Но любознательнее, более или менее детальное изображение природы с экономической также и природы в популярной географической книге почему-то иногда считается аполитичной игрушкой. Тогда как задача заключается в том, чтобы развить интерес к родной природе, распространить любовь на всю нашу многообразную страну, придать этой любви народный, активный, большевистский характер.

Яхты в Финском заливе

Люди высокого роста

Ал. СУРКОВ

В середине декабря 1939 года я стоял на раздолье узких таежных проселков. Мимо меня тускло шли люди в серых шинелях, прикрытых маскировочными халатами из белого миткаля. Зеленые козырьки стальных касок, выступающие из-под белых кашпонов, затеняли глаза идущих. Серые стоптанные валенки мерно скрипели по крепко выжаренному морозному снегу.

Шли высокие и малорослые, хоренатые и поджарые. Шли черныш и блондин. Украинцы и горьковчане. Вологжане и казаки.

Я вглядывался в лица идущих и ловил себя на том, что все они кажутся «на одно лицо». Однообразие обмундирования на фоне однообразного лесного пейзажа скрадывало в полусумерках приполярного дня индивидуальные человеческие черты. Казалось, что передо мной команда «шаг на месте» топчется один красноармеец.

Недавно я перелистал знакомые комплекты фронтовых газет зимы 1940 года, прочел несколько тоненьких книжечек очерков о людях северного похода, изданных Военгизом.

Все эти очерки и зарисовки написаны военными журналистами и литераторами, свидетелями и участниками описываемых событий. Все авторы — люди разной литературной манеры, взрыв, темперамент — писали в одно и то же время о разных людях, представлявших разных военных специальностей, воевавших на разных участках фронта.

Писали мы честно, строго придерживаясь правды фактов. Называли и фамилии героев, и это национальность, и цвет его глаз и волос, и цвет петлиц на его шинели.

И при всем этом, читая очерки, и вторично пережить то же самое, что случилось со мной позадорной зимой на лесном перекрестке.

Пулеметчик, застреливший чех пошло пробыть пулями кожух «максима» на подступах к Кирка-Муола, представлял как близнец своего собрата, орудовавшего на такой же приозерной опушке возле Суомуссалми.

Что за чужацкие? Неужели и впрямь люди нашей армии безлики и массовы? Или, может быть, арение литераторов шло, проявляя склонность к нивелированию предметов?

Ни то, ни другое. Армия наша состоит из обыкновенных людей. Как все люди, каждый из бойцов индивидуален и характерен и внешне, и физически, и по своим привычкам. И все знакомые мне литераторы, авторы очерков, никакими безликими арение не страдают.

Причина однообразия в изображении человека на войне кроется не в материале, не в особенностях физического зрелища очеркистов, а в избранном способе изображения события.

Не надо обладать большой проникающей способностью, чтобы заметить, что внешние формы поведения людей одинаковой среды и одинакового воспитания, при сходной обстановке, порождающей тот или иной поступок, сходны почти до тождественности.

Черты индивидуального различия в одинаковых по внешним обстоятельствам поступках людей начинают проступать за гранью наиболее резких, различимых физическим зрением деталей.

К индивидуальной сути подвига можно приблизиться, лишь зная, почему человек вел себя так, а не иначе.

Работая над очерками для фронтовых газет, мы шли по линии наименьшего сопротивления, стараясь донести до читателя протокольную внешнюю правду факта, не вглядываясь, не вдумываясь в суть внутренних мотивировок поведения людей, в спешке забыв о том, что неприятельные навазы и паузы делают музыку. Нам неведомо было, что даже такой «беспристрастный» инструмент механического копирования природы, как объектив фотоаппарата, очень субъективно ведет себя в руках фотографа. Он может из урла сделать красивая и наоборот. Все зависит от точки зрения.

Не обогащенные опытом длительного общения с героями своих очерков и стихов, мы вели себя, как начинающие фотографы, ухватывавшие в спешке фотобухой расстояния «на глазок», отчего фон события оказывался резким и отчетливым, а лица героев расплывчатыми и похожими одно на другое.

Такова универсальная причина однообразия фронтовых очерков-отчетов. Специфичности и индивидуальности полевой жизни военных журналистов можно объяснить, но не оправдать этой крупнейшей недостатком первого круга нашей работы над материалом северной войны. Жуже, что и после войны некоторые наши товарищи выступают с прозой и стихами, резко отмеченными тем же недостатком зрения. Очевидно, дело не только в недостатке опыта и материала. Яркость изображения всегда пропорциональна силе таланта и зрелости мастера, а глубина проекции художественного образа пропорциональна степени духовного богатства художника.

Что же главное утратили мы от читателей, создавая наши очерки о героях физического похода?

Перебрав фронтовые записки и фотографии, переделывая странички памяти, я из материала наблюдений отобрал кое-какие детали, которые, как мне кажется, дают пунктирный рисунок нескаченного нами на месте главного.

Декабрь 1939 года. Родившаяся дорога на участке Суомуссалми — перекресток на 26-м километре. Шесть грузовиков с ранеными, проскочив через шестиметровый участок льда на переправе, туссто обстреливаемой финскими пулеметчиками, мчатся по ухабистой дороге. На одной из машин встало тяжело раненный и несколько здоровых, идущих в штаб корпуса. На ветру нестерпимо холодно. От неудержимой дрожи, от толчков на ухабах раненые глухо стонут. Это пятеро. Шестой — лейтенант из запасных, в обмороженном у костров шинели, с небритым, серым от боли и потери крови лицом, молчит. У него перебито бедро, и каждый толчок на ухабе причиняет страшную боль. Он сидит в уду кузова тихо, неподвижно. Только по легкой дрожи ресниц над полуприкрытыми глазами да по редкому закусу губы можно различить, что он не потерял сознания, что боль хочет вырваться криком, а лейтенант, закулив губы, думит рвущимся криком... Впереди разрезала морозный воздух скорострельный пулемет. Здоровые сплываются через борта кузовов в придорожный кювет, чтобы в случае надобности принять бой. Ватальный комиссар, сосед раненого лейтенанта, взял за нее ногу над бортом, когда почувствовал, что его кто-то держит за полу шинели. Обернулся. Раненый лейтенант сказал тихо, раздельно:

— Оставь мне одну гранату. Сэрлясе. Помоги мне тут, рядком...

— Для чего она вам? Ведь у вас силы нехватит бросить ее.

— Зачем бросать? Для себя. На всякий случай. Если покажут, я их и себя... Ты же большевик, понимаешь...

Передо мной фотоснимок. Лесная поляна, заснеженная, безразличная околами. Черные оторветы белых шинелей завола. Справа — далеко — большой плакат на белой материи, подвешенный между деревьями:

«Прекратите бездумие. Сдавайтесь. Помощи не дожидаться».

Слева — близко — другой плакат на наскоро сшитых обрывках маскировочных халатов:

«Большевики не сдаются. Попробуйте воевать».

Осколками мина, пулями, пулеметными очередями оба плаката изрядно потрепаны, превращены почти в лохмотья. Неделями они ввели друг против друга. Неделями стояли друг против друга две силы, воздвигшие их в глухой тайге. Небольшой отряд красноармейцев, отрезанный от главных сил и окруженный в глубоком неприятельском тылу, и — враг, многочисленный, неумолчный, всем снабженный и доведенный до истощения упорством сопротивления осажденных смельчаков.

Рос список убитых. Ширялась площадь в землянках, занятая тяжело ранеными. А еще не убитые, если даже были ранены, но могли дослужить патрон в патронник и нажать на спуск, сплотив зубы, оборвались и обвалились. Так и плыло и не могли подлатать отборные егерские батальоны с горстью советских бойцов.

Люди, о которых я говорю, воевали, в подвиге своем большинство, в первый раз в жизни. Иные из них пришли из запаса с не очень большим багажом военных навыков. В подавляющем большинстве это были беспартийные граждане Советского Союза.

Какая же сила вела их сквозь ледяной ужас пятнадцатиградусных морозов, сквозь снега немислимой глубины и тайгу чудовищной непроходимости? Какая сила поднимала их полками, ротами и дивизионами на штурм неприступных бетоно-стальных ДОТов «линия Маннергейма» через минированные поля, над волчьими ямами и завалами, сквозь неслыханные ряды колючей проволоки, проплетенные ураганом вражеского свиста?

В стихах и очерках мы называли эту силу, тогда как надо было ее называть.

Сын бывшего подданного Российской империи пришел на войну в северные леса, имея за спиной заводы, построенные для себя, поля, распаханные для себя, пришел по приказу своего правительства, чтобы обезопасить от возможных посятлений воинственных капиталистических авантюристов свою границу, своей Ленинград.

Вот та универсальная точка зрения, открывающая возможность опознания всех индивидуальных черт героизма участника северной войны. Вот что вносит существенные коррективы в канонизированный классический литературный образ русского солдата.

И колхозник, и рабочий, и советский интеллигент пришли на войну, государство — мыслящими людьми, инстинктивно корректируя свои личные побуждения хозяйскими интересами советских граждан...

Вот случай, в котором, как в капле воды, отражается эта ведущая черта личности советского бойца.

«Отделение разведчиков, возвращаясь из удачного поиска, ведет «языка» — сержанта-шокоуровца. Уже вблизи от переднего края обороны полка пленный попросил закутить. Решили покалеть, выкули язык из рта, развязали руки. Пленный достал сигаретку, спички, закурил. Западал дальше, дымя папиросом. Когда на подеме в горку люди немного оступились, пленный неожиданно быстрым движением вырвал из голенища валенка спрятанный финской нож и сразмазом ударил в спину идущего вперед командира отделения. От сильного толчка командир отделения упал лицом в снег. На миткаль маскировочного халата резко скользнул розовое кровяное пятно. Сразу несколько разведчиков навалились на пленного. В разгар возни один из разведчиков закричал:

— А, ну-ка, ну-ка, я ему, гуля чортову, штыка дам... Тогда, как подброшенный пружиной, вскопчил отделение:

— Не смей трогать!.. Не смей!..

Уже заманувшийся для удара красноармеец растерянно таранил глаза на командира:

— Товарищ командир отделения... Что вы?.. Ведь он же вас чуть не убрал, чорт проклятый... Ну, я не буду... Ну, вы сами...

Разведчики торо крутили за спину руки пленного. Отделение в упор смотрел в его волянисто-синие глаза налитым ненавистью взглядом.

— Сволочь... Вот сволочь... Задумал бы я тебя руками, гадина, и никто с меня не спросит... А, может, ты на то и бьешь, чтобы не довели?.. Не выдет... Нам язык нужен... Язык...

Отделенный повел плечом и почувствовал режущую боль в спине.

— Ранил он меня... Остановите кровь, товарищи... Один из разведчиков поднятым из снега ножом быстро разрезал халат.

— Язык, как локоть прирощен. В кольцо португальское угодил. Попал на поверхность блок, не ходит, бы нам по земле, товарищ отделение командир...

Вот несколько живых стрихов личности нашего современника, бойца Красной Армии. Порывайте в себе и в жизни камни войны с болотными. Прочтите то, что рассказали они о себе и товарищах на страницах изданного Военгизом двухтомника «Бои в Финляндии». На всего этого вырастает не только материальные знаки прошедшей войны, но только то, что присуще человеку, поставленному в условия боя во все времена и у всех народов, но и то новое, что несет в себе только человек нашего, социалистического общества.

Впервые

Если бы — просмотрели бы тысячу строф за тысячу лет — об удачной любви страшно мало великих стихов — просто нет.

«Шир Гашмира» царя Соломона, Сопеты Лауре, Петrarки...

Чем эстет этот список расширим, где счастливых поэтов подарил!

Нет, поэзия это не рай, не прогулка с любовником ветреным.

Это — Ленским, Евгением, Вертером заученный жест: — Умирай.

Что ни строчка — по сердцу идущая трещина, что ни рифма — дорога отрезана, а за уступами рифм — все чернело и бликло, как Уир перед По, как Нева перед Блоком, как за Лермонтовым — обрыв.

Сколько нами отчаянье петел!

Это — стало обличным редкецом поэтов, холод бритвенных лезвий в письме!

Радость в строчку не лезет, а страшное пишет само.

Но как не об отчаянии а о людской удаче — писать необычайнее, прекрасней и иначе!

Но как! Мы понимаем — невероятно трудно писать о новом мае не выспренье, не трубно.

Впервые в мире — писать не «Мцыри»! События с ног от споров, у горы долгий опыт, а чтоб суметь другое, не с легкостью, не скоро — поэзия накопила!

Ей непривычно видеть не обрыв и жить на перевале в коммунизм, ей странно, что любимые добры, что говорят: — Люби, мы не унываем!

Она еще не наскакала слов садам и розам жизни настоящей, и поле словаря не проросло синонимами слова счастья.

В стихах нельзя не быть застрельщиком, и если я кричу в глаза, что стих не тот, что строки с трещинкой, то значит промолчать нельзя.

Легко за ямбы ставить «хора», не нарушая мнений целость, но мы ведь — не церковный хор, а проба голосов на смелость!

У нас нет времени стареть и ждать прибавки и надея, пускай живут свои сто лет, кто ни черта сто лет не делал!

Искать — на самом дальнем дне, сто раз промазывая мимо, где нет «стихов», где «темь» нет — а то, что есть, неразделимо!

И чем тревожней, чем трудней с такой поэзией общаться — тем радостней носнуться дней всечеловеческого счастья.

Фото-этид И. Шагина

Фото-этид И. Халипа

Из первомайского буклета

ПРАЗДНИК

Михаил ПРИШВИН

Признаюсь теперь, что слышать слова «Дом творчества» (Малеевка) мне было странно, мне казалось, что учреждение и творчество — понятия несовместимые. По-настоящему я сам попал в эту Малеевку, почитая, поиграв на бильярде, и сам написал кое-что, то мое представление о доме творчества переменилось; оказалось, не в словах дело, а в самой работе: тут все отлично работает и знакомятся друг с другом непринужденно. Нигде у писателей, кроме как в Малеевке, не слышал я таких душевных разговоров.

Вот сегодня, накануне мая, за круглым столиком в гостинице меня окружили молодые писатели и стали высказывать о том, о сем. Я скоро понял, из чего надо от меня: я для них писатель, из которого что-то вышло, а каждый из них, и разный, и скромный, про себя втайне думает: «Неизвестно, выйдет ли что-нибудь из меня».

— Вы-то, — спросил меня, — сами чувствуете ли удовлетворение в своих достижениях?

— Я это стал чувствовать, — ответил я, — с тех пор, как мне перестала мешать необходимость в признании и славе, и через это я перестал чувствовать себя маленьким человеком. Прежде мне хотелось писать, чтобы обо мне говорили. Теперь же славиться не имею ни малейшего желания, а писать еще больше хочется. В этом я доволен собой.

— Но если признание, почет, слава отпадают, то какой же мотив для движения вперед?

— Праздник жизни, — ответил я, — эту праздника, всеобщего рабочего мая, вечного в своем повторении.

И рассказал им, что воспитал в себе это чувство праздника не как отдыха и средства для дальнейшей работы, а как желанной цели, завершения высшего творчества жизни. Я воспитал это в себе, наблюдая в природе лет уже сорок без перерыва движение весны, начиная от февральских метелей и кончая майским расцветом растений и песнями всех птиц.

— По я, ведь, друзья мои, — сказал я, — пишу о природе, сам же только о людях и думаю. Когда пройдут февральские метели, все лесные существа мне станут ясны, как люди в стремительном движении к их будущему Маю. Тогда в каждом медвяном семечке таится будущий праздник, и все силы природы работают на то, чтобы ему пролиться. Я тоже участвую в этом и помогаю.

Больше всего в это время я люблю идти, задумавшись, по нагретой лесной опушке. Идете вы и видите, как выходят на опушку леса березки, греются в теплых лучах между елками, и тут же стоят разные сухие травинки. Вы идете вдоль опушки и не глядите на всю эту мелочь. Какая-нибудь былинка длинная, желтая, с пустым колоском из всех сил добивается вашего внимания. Случайный ветер — сквозняк — помог ей, она капнула, поклонилась, и тогда с поднебесных высот вы спускаетесь к ней, наклоняетесь, с удивлением разглядываете, изучаете эту желтую длинную сухую былинку с пустым колоском.

Это внимание открывает вокруг на снегу темные точки ее семян, выбитых зимицей. Вы находите в самом колоске одно увеличенное зернышко, завертываете его в бумажку и дома опускаете в песочный горшок, и, поверьте мне, первого мая новой зеленой былинке, взращенной при вашем участии, вы радуетесь, как всему маю. А в радости этой, конечно, не простую траву — самих людей чувствуете и верите, что дождемся мы праздника, не как перемены от одной войны до другой, а такого всеобщего рабочего мая, побеждающего войну, как лучи весеннего солнца побеждают мороз.

С искренним одобрением ответил один из писателей:

— Такой оптимизм!
— Только это не мой оптимизм, — ответила я. — Этот оптимизм таится в каждом семечке.

В ПОЛНУЮ СИЛУ

Вячеслав КОВАЛЕВСКИЙ

Я шел по берегу моря.
Мокрый песок крошки был плетен. По этой легкой для ноги тропе можно было идти без конца мимо виноградных садов и песчаных дюн Бямлюка.

Свет прежекабанного солнца, как бронзовая пыль, был тонко взвешен в воздухе. В этом свете все видимое вокруг меня и невидимое вышло за пределы своего обычного смысла. — предметы стали значительнее и совершеннее. Выброшенные морем ракушки, мельчайший камешек на моем пути и любая горсть песка лежали в этот час, как совершеннейшие образцы тончайшей работы.

Из-за ближайшей косы вышел на рейд баркас рыболовецкого колхоза. На спокойной воде он казался против света огромным и точным. Широкогрудые рыбаки не торопясь начали опускать в море сети. Я знал, что улов будет богатый.

И меня вдруг начала томить страстная тоска, желание научиться работать безукоризненно точно, не обедняя мир, изображать его в полную силу и добиться в своем деле такого совершенства, чтобы моя работа хотя бы в самой малой доле вошла в общую сокровищницу радости моего народа.

МЫСЛИ ВСПЛУХ

Федор ГЛАДКОВ

Наш реализм — действительный, революционный, большевистски-агитивный, как орудие борьбы, как сила политического сознания, как воспитатель борца, деятеля, красавца-человека.

Труда, борьба, люди великих лет, героизм в быту, повседневность, как героика, и подвиги, как быт; мятежные и дерзновенные замыслы и ищущая мысль, новые откровения и человеческая мораль — одним словом, небывалый в истории человечества круговорот новых могучих сил и творческой воли — вот что питает социалистическую литературу. И смысл социалистического реализма — в глубоком и ярком отражении этого наступательного движения действительности, в возлестности на эту действительность, в постижении великих проблем эпохи, в создании типических ее характеров — людей, социализирующих и движущих нашу жизнь вперед и выше.

Социалистический реализм требует не вообще правды, но правды конкретной, нашей, коммунистической. Писатель наших дней — не холодный наблюдатель, а подон огня и страсти. Он — строгий, предельно правдивый живописец, но и пламенный трагик.

ТРУД

Виктор АВДЕЕВ

В колонии для беспризорных, где я жил, была своя лекарственная плантация. Однажды, когда мы были ямы под шафалей, небо затянуло мутно-черные тучи, и разразилась гроза. В землю воцарилась молния, точно кто-то с неба бросал огненные колья, железный ляг грома похолодил на отбыв от их падения. Мы побросали лопаты и кинулись под деревья. Разгул стихии нагнал на всех страх, каждый боялся, что его уберет.

По глинистой почве сразу потекли ручьи.

— Пропали теперь наши ямы, — сказал один из ребят, — оползни пойдут. Все молчали. Внезапно староста группы стал проворно снимать рубаху.

— Пойду прикрывать. Ребята, кто со мной? Ведь ларом пропадет работа.

Мы переглянулись. Тогда староста побежал сам, и тут за ним, перешептываясь, один за другим последовали все воспитан-

ники. Мы начали накрывать ямы сухим хворостом, лежавшим в осыпи у меня, отводить ручьи. Постепенно испуг прошел, и появились то бесстрашие и самоотверженность, какие возникают, когда чувствуешь себя слившимся с дружным коллективом.

Гроза прошла, выглянуло солнце, ямы были сохранены; труд переборол стихию.

И теперь, когда над миром идет более страшная гроза, — мы, граждане одной шестой земного шара, должны еще труднее сплотиться и еще упорнее выполнять свое дело. Я верю, что наша великая страна, которая возмущается над миром, как змея свободы, своим славным трудом спасет почву, в муках возделанную гением человечества — иначе и не может быть с народом, который вынул совершенные, гуманистические идеи марксизма-ленинизма. И тогда над миром воссияет солнце для того, чтобы больше не заходило.

ПРИЗЫВ ВЕСНЫ

Лев КВИТКО

Как несел бег весенних вод,
Пронзая воздух солнцем мая
И гоняет небосвод,
Улыбкой ласковой сияя.

Нынешняя весна говорит мне иное, чем все мая прежде весны. Никогда я еще не слышал от окружающей меня природы такого ясного, почти человеческого языка. Я пробовал перенести его на бумагу, уложив в ритм и рифму, но все расплылось.

Улыбавшее все же зрение в ушах, не дает покоя, жжет меня. Если перевести это на человеческий язык, наскоро, приблизительно, то оно будет звучать, быть может, так:

— Мы, булькающие ручейки, что бежим, славимся и бежим дальше к бирюгов в волну, к рекам, смывая по дороге остатки погибшей зимы, напоминаем вам, что и на западе бегут ручьи, но там это ручьи крови, вопиющие и не унося-

щие зло, увеличивающие его; вы же, создавшие себе возможность мирно и счастливо трудиться, помните об одном: крепите свою мощь, крепите свою мощь!

— Мы, первые ростки травы, которые еще под снегом прокладывали себе путь к вам и, стоящие теперь крепкими пучками среди весенней слякоти, мы шепчем вам: там тоже побегут ручьи из-под земли к людям, но сначала превратят их в пепел. Вы же, сумевшие отстоять свою свободу и грозную силу, вы, ответственные хозяева своей судьбы, помните об одном: лучше работать, крепить свою мощь!

— Я, ясный небосвод над вами, я, который изнываю там от взрывов, волн, льда, я говорю вам: знайте, к вам с тяжелой полиняют головы загнанные, угнетенные миры, помните об одном: крепите свою мощь, мощь страны счастья, страны Советов!

Вот что говорит мне нынешняя весна.

МОСКВА

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Я люблю Москву так, как можно любить сонату Бетховена или поэмы Гете. Это как произведение. Но дело тут не только в архитектуре: тот или другой шедевр стекла и камня еще не делают Москву. Москва для меня — это как бы огромный лирический узел. Это прежде всего — ошутимое присутствие воляды, подобное ощущению океана в портовом городе, где, даже не видя воды, чувствуешь ее свежесть и ветровое ее дыхание.

Затем — это подлинная культура миллионов. Москва хочет знать! Хочет так, как ни один город, а, может быть, ни одна страна в мире! Ее афиши, плакаты, объявления о докладах, курсах лекций, вечерних курсах и воскресных университетах, посвященных философии, истории, экономике, эстетике, итальянскому Возрождению, французской живописи, Аристотелю, Бальзаку, Маяковскому, — будоражат, волнуют и увлекают в чуднейшее из путешествий... В Москве можно стать образованным, не имея никакого образования.

Наконец, Москва — это лиризм нашей, населяющих СССР. Вы видите народного певца Казахстана, смотрящего «Дебриное озеро», и понимаете, что он считает это зрелище чем-то неземным и в то же время кровно связанным с Москвой, страдой чудес, но чудес его родины — СССР. Вы слышите «Короля Лира» на еврейском языке или «Кривую смальбу» на пынганском и чувствуете в этих спектаклях международный язык искусства и в то же время язык, пронизанный революцией. Я подумал о том, сколько же в Москве вообще национальных театров, музеев, выставок постоянных и временных, гастрольных демонстраций и концертных показов больших, средних и малых наших республик? И понял, что Москва — это действительно интернациональный город, живя в котором, чувствуешь масштаб мира.

Сильна любовь нашего народа к культуре. Там, где народ до такой степени жаждет истины и красоты, — можно быть уверенным в его будущем.

СЧАСТЬЕ ХУДОЖНИКА

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Жить в стране, представляющей собою оградленный мудростью Сталина сад, в котором узко поднялись пенящиеся ветки не только заграничного, но даже послезавтрашнего дня человечества, — поистине не может быть большего счастья для всякого истинного художника.

Только б не стать ворчливым брюзгой, который с новым говорит: «это было...» Только б не стать «умилигой», который спускается, готовый принять за новую любовь подвизающую старину.

Только б не потерять остроту глаза и уметь различить в серошанном асти туге, как кулакков новозрожденное, стиснутые, крепко свернутые почки невеселых побегов коммунистического счастья человечества...

КОГДА ТЕБЯ СПРОСЯТ...

С. СЕРГЕЕВ - ЦЕНСКИЙ

Когда тебя спросят там, куда ты идешь,
Как у нас колосится рожь,
Ты скажи: — Урожай у нас будет таков,
Что нехватит для ржи закутков!

Когда тебя спросят, как гадают у нас
Новости в полуполночный час,
Ты скажи: — А зачем и о чем им гадать?
Ведь красивее их не сыскать.

Когда тебя спросят: — Ну, а как жених —
Сильны, удалы, лихихи
Ты скажи: — Женихи — молодцы неподбор:
Станет рать, что дремучий бор!

ПЕСНЯ — МЕЧ

Абулькасим ЛАХУТИ

Знания мало, коли ты
Сердцем холоден и сух.
Нужен нам и взлет мечты,
Благородный, пылкий дух.

Все, что может их спасти,
Надобно хранить и чтить.
Да, и звон газель могу
Счесть я фронтом боевым.
Если — фронт, его врагу
Оставлять нельзя пустынь.

Песня — меч. У нас она
Лучшей в мире быть должна.
Перевод Ц. БАНУ.

РАЗГОВОР В ЗЕМЛЯНКЕ

Бор. ГОРБАТОВ

Это было год назад, на реке Вуокса-Вирта, на острове Васси-Саари, который мы для удобства называли просто Васкиным островом. Семь суток дрался наш полк за Северный берег, и немало моих товарищей осталось здесь навсегда.

В те дни я научился многому. Я узнал, как исчезают леса, когда наши артиллеристы начинают методически «обрабатывать» гектар за гектаром землю противника. Я увидел, как простые парни, знакомые мне по лагерю, по мирной, гарнизонной службе, становятся героями.

Но это вспоминается мне сейчас. Вспоминается мне ночь на 10-е марта, землянка, печь с пригачином на ней чайником и длинные ноги старшего политрука Третьякова. Третьяков только что вернулся с передовых. Он промок, устал и теперь с наслаждением вытянулся во весь свой длинный рост на соломе. Но в землянке было тесно. Третьякову пришлось «разместиться» под столом, длинные ноги его проходили под коленом печной трубы и терлись где-то в соломе, на которой мы лежали.

Тогда-то и началась наша беседа. По странному делу: говорили мы не о войне, не о бое, не об этой тревожной ночи, что текла сейчас над нашей землянкой, — говорили о литературе.

Се всех сторон обрушился на меня перекрестный огонь вопросов: что пишет Дюнов? Что создает Тардовский? Над чем работает сейчас Федор Гладков? И под этим огнем я, ей богу, почувствовал себя значительно менее уверенно, чем под огнем финских кукушек.

Я убедился вдруг в том, что постыдно мало, плохо знаю о том, как живут и работают мои товарищи по литературному фронту. И это было стыдно, как стыдно не знать, что делает в бою твой солдат. Я убедился затем, что к нашей писательской работе здесь относятся сурово и требовательно, и на эти требования отвечать вечно: мы пишем мало, и пишем часто не о том, что волнует, мучит, тревожит вот этих славных парней из землянки на Васкинском острове.

Может быть, впервые в жизни я с такой ясностью понял, чем должна быть наша литература: это, как патроны, как хлеб, как зная в бою.

На Красной площади

Фото-этой А. Шайхета.

«ТЫ МОЖЕШЬ!»

Александра БРУШТЕЙН

Однажды, в разговоре, Антон Семенович Макаренко сказал о ком-то:

— Замечательно красивый был человек!

Но тут же засмеялся:

— А впрочем, на меня не очень полагайтесь! Мои красавцы проверяли назо: у меня все — красивые...

— Как же это так — все? — спросила я.

— А так, что все! Мне все люди по-чужому красивыми кажутся...

— И даже — Иис? —

— А разве Иис — не красивый? — искренно удивился Антон Семенович.

— По-вашему, может, и Иис — тоже красивый?

— А как же! Красивый...

— И Зет?

— Ну, Зет похуже, конечно... Но все-таки посмотрите, какой у него лоб, а? Как ходит, как говорит!.. Нет, и Зет — красивый.

Мы тогда посмеялись над «собственной эстетикой» Антона Семеновича. И только позднее я понял: это — не было абстрактной красоты. Это не было «подобно нас чернышам», — ведь он не самого себя навязывал в красавцы другим людям, а в них умел видеть красоту! Не было в этом и христианского уравниловки: «все чернышские, все прыгают»... А была в этом горячая любовь, мечта о красоте, которая заставляла А. С. Макаренко ловить и подмечать малейшие зернышки прекрасного и действительно помогать людям раздвигать в себе эти наемки — огонечки в большие пламя.

Антон Семенович подозревал паличие прекрасного в каждом советском человеке. На основании этого подозревания он авансировал человека уважение. И тогда «самоподозревание прекрасное» почти всегда оказывалось явью! Потому что, во-первых, сам Антон Семенович умел выковырять это из человека, а, во-вторых, «самоподозревание» в прекрасном и авансированное

уважение обязательно приписывали подозреваемых к тому, чтобы это «подозревание» оправдать.

Казаменная, официальная, догматическая педагогика подходила к самому милую ребенку с уверенностью в том, что он — потенциальный бандит, которому втайне хочется играть со спичками или ковырять в носу. Она пугала ребят «объемным» материалом, который ей давало в темной уборной. А детская литература с удовольствием распевала, как дети-поджигатели гибнут в пламени, а дети-комарителы вынуждены возить на тачках свой нос, раздувшийся до размеров гигантской тыквы. От всего этого самым крепким детям неудержимо хваталось за спички и за носы...

А. С. Макаренко подходил к детям, страшным, грязным, часто — больным и преступным. Сквозь эту ужасную внешность он видел в них то детское милое и человечески прекрасное, чего не видели другие. Он видел возможность приобщения их к труду, возможность возрождения их трудом. Он авансировал им уважение, как к будущим членам советской трудовой семьи, — и с его помощью они действительно начинали заслуживать этого. В этом была его сила, сила воспитателя людей, преобразователя жизни. Так, другой мечтатель и преобразователь, И. Мичурин, умел проливать в какой-нибудь усурисильской ривине или дикой кавказской группе те скрытые свойства, которые под его рукой давали культуру новых замечательных плодов...

— В этом, — думаю я, — секрет не одной только педагогической, но и всяческой «инженерии человеческой души». В умении видеть жизнь не глазами регистратора, а глазами поэта. В желании не только протоколировать окружающее, но активно вмешиваться в жизнь, подсказывать, вызывать, побуждать людей на труд, на борьбу за лучшие идеалы коммунизма, вышаривать человеку: «Ты можешь!»...

ЗВЕЗДА

С. ГАЛКИН

Дорожу я той звездой,
Чей прекрасен свет жннсь,
Что средь множества одна
Так чиста и так ясна.
В сонме звездном не затмится,
В малой капле отразится.

Дорожу я той звездой,
Что сияет над волей,
Луч в воде не разводит,
Золотым путем бежит.
Не бледнея, с небосклона
Прямо вниз, в морское лоно.

Дорожу я той звездой,
Что безмерна надо мной,
Но во мне предел нашла,
В кровь мою огнем вошла
И с землей и с небесами
Щедро делится лучами.

О СЕБЕ

Мих. ЗОЩЕНКО

Обычно мне удавалось все, что было связано с моим большим желанием.

Иной раз я ставил себе весьма трудную задачу (и не только в литературе) и вынолнял их.

Будучи студентом, я на пари скривил губы китеб. Хотя до этого времени я, если и держал иголку в руках, то только для того, чтобы пришить пуговицу.

Этот китеб я по условию должен был носить месяц. Однако я проходил в нем целое лето — китеб был спит довольно сносно.

В 19-м году я (без подготовки) стал следоателем уголовного розыска. И довольно порядочно вел дела.

В 32-м году я поставил в Мясник-Холде мою одноактную комедию «Свадьба». Эта моя революционная работа увенчалась успехом.

В 34-м году я, худо или хорошо, но проиллюстрировал мою «Голубую книгу».

Довольно прилично и в короткое время я изучил медицину.

Но одно дело, с которым я столкнулся в жизни, я не мог преодолеть. Я говорю о драматургии.

Вот в большой драматургии я успеха не имел. Хотя желание написать хорошую трехактную комедию было у меня по меньше, чем тогда, когда я брался за китеб.

Из этого заключаю, что драматургия — одно из нелегких дел.

И это действительно так. Во всяком случае, для рук литераторов, пишущих повести и романы.

Драматургическое произведение требует по совсем общему подходу. Французский замок нельзя открыть обыкновенным, хотя бы и великолепно сделанным ключом.

Но я не сложил оружие. И в марте этого года я снова вылез за компюль.

Я полнажды говорю на государственной закс. И в первых числах мая я стал мою комедию Комитету по делам искусств.

Я имею надежду, что на этот раз я преодолел препятствия.

ПУТЬ К ВЕСНЕ

Александр ЖАРОВ

— Ну, хотя б намеком осторожным, Шопотом промолви в этот час:
Где пройти к весне, такой надежной
И такой хорошей, как у вас?

Если ты меня об этом спросишь,
Друг, живущий в дальней стороне,
Я скажу, что нам когда-то осень,
Осень указала путь к весне.

ДЕНИЗ

Илья ЭРЕНБУРГ

Я живу теперь с героями моего романа «Падение Парижа». Я вспоминаю годы, когда на улицах живого города в день Первого мая красные гвоздики будущего встречались с ландышами окрестных лесов. (Говорили, что ландыши Первого мая приносят счастье...)

Я думаю сейчас об одной из героинь моего романа — молодой коммунистке Дениз.

Она шла по пустыям унизам, Заколдованным горо! В окнах магазинов — пыльные веники: гаустухи, игрушки, боталы с яркими леденцами. Зонтик прислонился к заколоченной двери. На бачконе засохшая герань. Клетка, а в ней мертвая птица.

Дверь открыл Кюд.

— Надо что-то делать, — сказала Дениз. — У тебя есть связи?

— Нет. Из наших остался Жюльен. Но как его найти?

— Надо что-то делать. Их все обманули. Они спрашивают — что говорят коммунисты? Нельзя жалеть...

— Но разве мы знаем, что скажут людям?..

Она сидела у окна. Мертвая улица... И тогда совершилось чудо: Дениз вспомнила, как по этой улице вихохла демонстрация, увидела красные флаги, услышала пенье. Все крестно, звучаю, вибрировало. Смутно улыбаясь, Дениз перелела губами: искала слов. И слова неслись: «Колыбель революции... Город Коммуны...»

Ей казалось, что она слышит голоса солдат, которые бродят по полям, всели обрешенные, голоса беженцев, потерявших все, кочующих по вытоптанным полям, среди братских могил и развалин. Маленькая одинокая женщина в пустом городе писала под диктовку миллионам.

Мечта писателя — писать, как писала Дениз.

ВСТРЕЧА

Юлиус ГАЙ

Шесть лет тому назад, в день 1 мая, я встретил в Пюрихе одного моего знакомого. Это был старый человек, крупный художник, известный профессор. Я увидел его неподвижно стоящим на маленькой узкой улице, рассматривающим марморную доску, прибитую к стене одного дома. Я знал эту улицу, знал этот дом и доску. На ней было написано: «Здесь жил Владимир Ильич Ленин».

Профессор Мюзер (я называю его так, ибо под этим именем хочу вывести его в моей будущей работе) взглянул, почувствовал на себе посторонний взгляд. Потом он тихо сказал мне: «Я его знал... Я иду здесь его слова. Было время, когда я не понимал их, теперь я не могу понять мур без этих слов».

Я часто думаю об этой встрече. С каким же трепетом стоит теперь профессор Мюзер перед скромной марморной доской, с каким волнением он ищет те слова, — ленинские слова, — которые он только может успокоить измученную душу честного старого профессора.

Л. СУВОЦКИЙ

роста новых людей, организуемых распределением труда... Капиталистический строй ломает и калечит всю душевную жизнь трудящегося человека. Основа чудовищного извращения человеческой сущности состоит в том, что труд при капитализме становится тяжким бременем, «зазорным делом», в котором рабочий чувствует себя несчастным, изурядует себя и разрушает свой дух...

Капитализм извращает и содержание жизни человека вне труда. Если в основной своей деятельности — в труде — трудящийся человек чувствует себя рабом эксплуататора, то это накладывает отпечаток на всю его жизнь дома, в быту, в семье. Советский трудящийся человек не отрицает, а утверждает себя в работе, свободно выпяливает и развивает свои способности, таланты, таланты. Труд, таким образом, становится основным содержанием его жизни, определяющим его поведение во всех областях человеческого бытия...

Ведь в результате раскрепощения труда развивается и сложный процесс «очеловечивания» тех функций, которые при капитализме часто носили животный характер. Домашний быт, любовь, семья, взаимоотношения отцов и детей — вся эта область человеческих отношений озаряется новым светом, светом подлинной человечности, она постепенно и неуловимо очищается от собственного эгоизма и своякостности.

Вне связи с новым отношением к труду нельзя глубоко уяснить и исчерпывающе раскрыть перед читателем сущность социалистического гуманизма, советского патриотизма, преданность наших людей делу борьбы за коммунизм. Вне этой связи нельзя понять и того нового, что принесла наша эпоха в отношении людей к трудностям нашей борьбы, к жертвам, к личным горестям и страданиям.

Литература, «горюющая» об «отсутствии драматических конфликтов», следует подумывать о формирующемся в условиях социалистического труда презрении и ненависти к врагам социализма, к тупецам, врагам и лодырям, к борьбе передовых людей социалистического народа с отсталыми элементами. Борьба нового, побеждающего, со старым, отжившим, происходит и в сознании людей. И здесь определяющее начало — труд и отношение к нему.

Творческий труд человека всегда поэтичен — и в самом деле, и в удивительном сказании. В нашей стране, где еще живы — и живучи! — пережитки капитализма в сознании людей, еще не мало трудящихся, не осваивающихся

от коросты прошлого, не опущающих позвонки труда. Наша литература уже сделала первые шаги к изображению борьбы нового со старым в отношении к труду; достаточно назвать книги Ф. Гладкова «Немента» и «Энергия», А. Малышкина «Люди из захолустья» и пьесу Корнейчука «В степях Украины». Но здесь недостаточно частные успехи, здесь нужно движение широким литературным фронтом.

В произведениях писателей, которые заходят всерьез дойти к вопросам современности, труд неизбежно станет, независимо от темы произведения, «основным героем», хотя бы речь в книге и не шла непосредственно о производстве. Произведение о первом советском человеке — герое нашей эпохи — может и не содержать изображения его непосредственной производственной деятельности; возможны другие подходы к теме, другой материал, иное опосредствование. Но нельзя забывать, что в жизни трудящегося нашей страны его профессиональная деятельность имеет такое значение, что именно в этой сфере надо искать решения основных проблем создания его образа; искусственное же изолирование героя художественного произведения от основного содержания его жизни приводит к фальши и нарушению жизненной правды — так получались, например, с так называемыми «бытовыми» пьесами многих драматургов, в которых тема любви была подменена темой adultery.

Тема труда, тема рабочего класса, преобразующего мир творческим трудом, не стала еще генеральной темой нашей литературы, хотя над ней плодотворно работали В. Маяковский, Ф. Гладков, Н. Островский, М. Шагинян, А. Малышкин и др.; ее стремятся разрабатывать и молодые писатели — Ю. Крымов, Б. Полежаев, А. Копытасов, А. Поздрик и др. В широком и многообразном развитии этой темы — самая важная новаторская задача литературы социалистического реализма.

Мы напомним одно редкое вспоминаемое литераторами упоминание А. М. Горького. В 1931 г. в статье «О действительности», его вымысла писателей, «...которые едко вымывают и угадывают в свое искусство и смотрят на жизнь равнодушно, только как на материал для книги, Алексей Максимович обращался к молодым писателям с указанием, что они «...должны хорошо понять значение и роль этой эпохи. Эта эпоха, по глубине и широте исторического процесса, который совершается в ней, — значительнее, трагичнее и будет — не может не быть! — плодотворнее всех эпох пережитых». «У молодых писателей есть что сказать о новых радостях жизни, о разнообразном течении творческих сил в стране. Они должны искать вдохновения и материалы в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи, — воля эта воплощена в рабочем классе» (подчеркнуто мною. — Л. С.).

Рабочий класс — ведущий класс нашей государственности. Главная сфера приложения его творческих сил — наша социалистическая индустрия, руководимая партией во всей системе народного хозяйства. Здесь, в рабочем классе, рождается и расцветают такие исторические явления, как сталинское движение — могучая основа социалистической производительности труда и движения к коммунизму.

Естественно, что рабочий класс должен быть в центре внимания всей нашей литературы. Романтика труда и борьбы рабочего класса вдохновляла лучших наших писателей в работе над теми произведениями, которыми славна наша литература во всем мире, которые еще долго будут служить великому делу коммунизма. Эти произведения принесли в литературу новое идейное и художественное качество, прекрасно помогающее коммунистическому воспитанию народных масс.

Больше, больше таких книг должны писать советские писатели своему народу!

запиту и поддержке. Таким образом, видя в Советском Союзе блистательный пример для всего человечества, американский патриот Драйзер в то же время обмениваясь с нами, оставаясь на почве своей родины.

Нет необходимости множить хорошо известные примеры, равно как и нет нужды приводить высказывания Шоу, О'Брайена, а также представителей интеллигенции, примкнувших к Народному Конвенту в Англии или заявивших столь же решительную позицию в других странах. Не будем также цитировать великого пролетарского писателя, нашего Мартина Андерсена Нексе; его слова мы и без того всегда помним и никогда их не забудем. За всех таких людей, и знаменитых и безымянных, просто и ясно сказал в Мексике Хосе Бергамини: «Меня утирают в том, что я иду вместе с коммунистами. Не моя вина, если каждый раз, когда я иду правду, я встречаю коммунистов».

Приведенные выше мысли Драйзера представляют собой лишнюю довод в пользу той, неоднократно уже самой жизнью подтвержденной формулы Г. Димитрова, согласно которой то или иное отношение к Советскому Союзу рождается как бы по историческому водоразделу между реакцией и прогрессом.

Чем сильнее будет ураган империалистической войны, чем ярче оканчиваются кровью реки и океаны мира, тем все более и более решающее значение приобретает этот исторический водораздел. Можно было бы предположить, что живущие и работающие в Советском Союзе западные писатели в условиях европейской войны, нарушенных транспортных и иных связей — чувствуют себя гораздо более, чем когда-либо, оторванными от родных стран и народов. Такое предположение ошибочно. Духовно мы сейчас стоим ближе к нашим народам, нежели еще несколько лет тому назад.

Интеллигенция, ищущая дорогу в будущее, приходит к Советскому Союзу самыми разнообразными путями. Одни хотят ознакомиться со страной, ее народами, их искусством и наукой. Других интересует Красная Армия и Сталинская Конституция. В Европе, где подавляющее большинство народов испытывают все муки неразрешенного национального вопроса, люди с удивлением и восхищением внима-

ПЕСНЯ О КАРЕЛО-ФИНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Кто негаса крылатого хлещет кнутом,
Кто не верит, что сила народа — жива,
Пусть поэмы строчит — о тельце златом,
Пусть танцует под дудочку буржуа!

Пусть он ставит банкиров жестокою властью,
Пусть доллары, как звезды, сияют ему!..
Я ж спую о республике, что родилась
В грозном, сияем пороховом дыму.

Нас тяжелый труд стигал до земли,
Застыла глаза нам мока смоляной,
Глыбы гора на плечи наши легли,
Сосны плакали тихо в чащобе лесной.

Пусть в молеблах парям воздавались хвалы,
Пусть до неба взвивался кадыкий дымок...
Но поток, писавший с могучей скалы,
Дать электроэнергии людям не мог.

Можно в наших былинах народных прочесть:
Лишь — в борьбе избавленное от горя и зла!
Революция, как величайшую честь,
К нам Октябрьское знамя в страну принесла.

И врагу наши ружья сказали тогда,
Языком убедительным, строгим, простым...
Что крестьянам — земля отныне навсегда,
Что рабочий — владеет заводом своим.

Мы в беге наши через горы и реки прошли,
На снегу наши лыжи оставили след.

Счастье творческой жизни

А. АДАЛИС

«Счастье», «счастливым», «счастливым», «счастливым»... Часто встречаются эти слова в стихах и прозах наших поэтов, в речах представителей самых разных наших краев, областей, братских республик, в выступлениях отличников труда, искусства, учебы, — от глубоких стариков до детей.

Вот гряда маленьких книжечек стихов — здесь и Лебедев-Кумач, и Доматовский, и Коваленко, и молодой автор дадыневосточных, таежных стихов Петр Комаров, и восточный поэт Трехром, и поэт-морск Алексей Лебедев. Мы не даем здесь критической оценки этих стихов: одни лучше, другие хуже; в одних просветляется ясная глубина поэзии, другие тусклят и мелчают; в одних место лирического действия — суровый лес, море, новостройка, в других — курортный бульвар. Но в каждой из книжечек присутствуют знакомые в нашей поэзии слова: «счастье», «радость», «счастливые»...

Столь часто было распространено в старой поэзии слово, антигеза — «грусть». Мотив грусти, мотив прозябанья в свое время критиками «мелкобуржуазным и буржуазным», был свойственен потоку серых стихов в старой современной поэзии. Существовал особый стилистический штамп «стихотворения», нечто такое, без чего редко обходился поэт, писавший для журналов. Этот штамп был все же известным знаком времени. Наше время — иное. Наше «название времени» — слова «счастье» и «счастливые».

Понятно, что содержание, слова светлых тонов обращаются в нашей поэзии в голубые, подсаженные штампам. И тем более мы должны охранять и оберегать светлый тон нашей поэзии от лачкотни патетичности, штампования «розовыми фантиками». Наше время — действительно прекрасное время, мы узнали особое счастье, которое действительно стоит беречь! Этого не отделишь от розовый колес, ни конитерская сладость. Перецалу выского напряжения жизни, ее высокого тона нельзя поменять мажорной: читатель воспринимает эту поэму, как простительное искажение действительности.

по ту страну, где этот вопрос разрешен полностью и раз навсегда. Но есть много и таких, которые идут к Советскому Союзу охотно, привлекаемые специальными деловыми или профессиональными интересами: библиотекари, сельские хозяева, горные инженеры, театральные деятели...

Однако в центре всех интересов стоит, конечно, мирная политика Советского Союза. Отнюдь не все интеллигентские голубы и не во всех случаях сумели сразу понять ее. Чем ярче, чем яснее была эта политика, тем непонятнее казалась она людям, чье духовное воспитание походило в непримиримом противоречии со всякой прямотой, со всякой ясностью, со всякой простотой. Но в жестокой школе исторических событий переделяются и не такие голубы. Едва ли найдется сейчас на Западе хоть один честный интеллигент, сознанию которого не брезжила бы уже правда об империалистическом характере нынешней войны и о роли СССР, как единственного оплота мира. А тот, кто этого дожда эта истина, тот рано или поздно найдет свой путь к лучшему будущему.

Через страшное испытание проходит сейчас народы капиталистического мира, и мы знаем, что каждая книга, каждая страница, каждое слово, каждое сухое сообщение, попадающее туда из Советского Союза, является для этих народов тем же, чем может явиться лодка или спасательный круг для человека, тонущего в открытом море; надеждой на спасение, надеждой на жизнь, надеждой на будущее.

Какие практические выводы, какая линия поведения вытекает отсюда для нас, писателей, для нашего творчества. Как бы многообразны ни были эти требования, их можно уместить все в одном слове: Правда! Конкретная правда о конкретном мире!

Боевой май мирового пролетариата — серьезный штурм, и в литературе тоже не должны быть терпимы пустые парадоксы. Под знаком конкретной, осязаемой, реалистической выразительной правды выступит 1 мая бойцы нева во всем мире. Мы еще не можем назвать их всех по именам, мы не можем еще занести эти имена в список, но мы чувствуем, что 1 мая они пройдут, незримо, рядом с нами по нашей Красной площади.

Армас ЭЛКИЯ

Пвел Полярным Сиянием, встающий вдали,
Надо льдами горячий Великий Рассвет.

Создавалась Республика наша — в огне,
Сквозь свинные вихри, сквозь почь и пургу,
Мы простреленный флаг свой песли по стране...
И не мало героев уснуло в снегу.

Мы — горячим ударом дробили гранит,
Враг бежал до Вуоксы, холодной реки,
Перешек Карельский в легендах хранит
Вашу славу военную, большевики.

Пусть природа у тропиков много щедрей:
Легче — труд, и земля плодотворнее там...
Мы милее равнины отчизны моей,
Где проносятся лыжи, свистя по снегам.

Крепко любим мы снежную землю свою,
И морозы колютые — нам не страшны...
Словно Линией Маннергейма, в бою
Осладеть мы природою ледной должны.

Мы врага разгромили во мраке ночей,
Мы разбили окопы полярной зимы,
И, гордясь боевою победой своей,
Создаем Эльворадо советское мы.

Перевел с финского
АЛЕКСАНДР МИНИХ

Все чаще и чаще передовые учителя наших школ говорят о том, что глубоко неправы те переносные педагога и те недалекие родители, которые истолковывают детям и самим себе понятие «счастливого детства», «счастливого юности» с точки зрения былого лавочника или индустриала. Платили в батниках, пляска вокруг стола с волярами, паразитные игрушки, беспочвенное благовество, обещание всех полных трудностей жизни — вот он, слащавый маниловский идеал «золотого детства». А следствие восхваления слащавых идеалов — порча человеческой породы, слабость, неустойчивость. Произошло «золотое детство» такого Обломова, и вырастают ограниченный, себдолюбивый человек, воспринимаяющий реальную жизнь, как тяжелое несчастье; представление же о счастье, как о благополучии во что бы то ни стало, как о дедом и сладком куске, всегда порождало стужателей и завистников.

Большинство наших детей счастливо, но счастливо поведомымыми трудностями жизни, а не паточной иллюзией. Именно такой закаленной молодежи должно принадлежать будущее, оно — их по праву.

Поэтому лживы те стихотворения, которые вешают в слово «счастье» представление о мирном интересе, пикировке среди роз и вечноском «благоразвернутой возмужей». Они недоумевают читателю судорогой, уснивательные капли для грязливой трудовой совести.

К счастью, все слышнее и слышнее в нашей поэзии голоса, говорящие о пейзажах суровых и свежих, о людях, преодолевающих труднейшие препятствия, о мужестве и выдержке, о счастье стихий. Все ясственней эта нота и в фольклоре.

Стоит прочитать с настоящим вниманием письмо строителей Новомосковского тракта товарищу Сталину, чтобы различить эту ноту горюности своим трудом, почувствовать властную радость людей, сумевших совершить лютельный трудовой подвиг. В этой поэме нет сладости, она тверда и свежа. Высылавшаяся, строители передали свою волю поэту, перекалявшему их речи в стихи:

«Собственным трудом, а не чужим,
Уваженья заслужили мы!»

Миллионам людей нашей советской страны знакомо чувство высокого человеческого счастья, известны его пена и смысл.

Ваша мы говорили уже об одном из новых мотивов нашей поэзии — мотиве, промелькнувшем, но еще не развившемся: лирический герой вспоминает дни своего большого труда, как дни, полные обаяния и счастья... Еще не развинуто во всю ширь и другой поэтический мотив, но уже мелькает в произведениях прозаиков, очеркистов, поэтов его отдельные ноты. Именно слышится они и в рассказах Овечкина, и в «Инженере» Крымова, и в мастерских стихах Твардовского, и даже в ученических стихах многих начинающих. Прозачиски определяют эту замечательную тему можно было бы так: «Счастье не только в сладком отдыхе после труда, ле в пределии трудового дня или в его блаженном закате — счастье в самом процессе вдохновенного труда».

Такая тема принципиально нова в литературе, ее глубина неисчерпаема. Жаль, что большинство поэтических описаний идет еще по шаблону, несколько в стороне от этой новаторской темы. Гораздо чаще в литературе нашей восторженный очеркист описывает, скажем, праздник после постройки Ферганского канала, чем радость победителей природы в самом процессе борьбы. Радостней воспевают лютые награды за доблесть, чем то, что этой награде предшествовало. Восхваляя мужество, забывают рассказать о счастье быть мужественным. А ведь доблестный человек хочет, чтобы рассказали о его счастье, о той радости трудового или боевого подвига, для которого он сам порой не находит слов.

В течение последних веков читатель, слушатель, зритель привык к тому, что комок за кулисами печали, грустной смехом, сытость воспевают голубой, счастье — несчастливый, красоту и славу восхваляют горбатым, а колесный блаженней судьбы пунит заупынутой мистическую канителью о смерти и тоске... Лишь в наше время, суровое и мужественное, поэзия и действительность стремятся к соплатию, как было, пожалуй, в далекие античные времена, но уже на более высокой ступени. Это — истинный праздник для художника, это — его своеобразная, профессиональная, трудовая любовь к действительному счастью.

Юлиус ГАЙ

НЕЗРИМЫЕ УЧАСТНИКИ ПАРАДА

Как просто, как легко все было бы, если бы можно было в день 1 мая спойковать с эпической неторопливостью, наподобие, скажем, Гомера, перечисляющего в «Илиаде» боевые корабли ахейцев, называть одного за другим по именам всех передовых писателей мира, всех без исключения, — молодых и старых, знаменитых и начинающих. Назвать их и сказать: вот наша армия, вот наши бойцы, с пером в руках сражающиеся за лучшее будущее для человечества.

Но в наши дни такой спокойный взгляд невозможен. Великая борьба в полном разгаре, и арена ее необозрима.

Прежде всего, нашему парадку помешали бы чисто технические трудности. Нам нехватает фактических сведений, а когда они, наконец, доходят до нас, то часто бывает, что бешено рвущаяся вперед история успевает уже создать новые, непревзойденные факты и ситуации. В большинстве стран над писателями висит дамоклов меч военной цензуры, и они либо совсем лишены возможности говорить, либо же учатся — и то лишь постепенно — говорить на том эзоповском языке, который позволяет писателю в конце концов обойти даже самые страшные цензурные рога. Но гораздо более тяжелой характер, нежели эти внешние трудности, носит переживаемая многими писателями душевная трагедия. Буря, свирепствующая сейчас во многих странах, едва ли уступает в неистовстве штормам, бушующим во внешнем мире. Часто это бывает буря очищения, но часто она оставляет после себя ужасные, непоправимые разрушения в сердцах. Мучительное юдогояшлось бы нам пережить тех, кто стал жертвой этих внешних и внутренних бурь. Имена, записанные в этот траурный список, принадлежат не худшим и не последним людям. Выходят эти

люди не наши, но от бесчестной сделки они отвернулись с отвращением.

С совершенно иными чувствами и совсем в другую рубрику заносим мы имена тех, кто потерял свою честь, кто изменил своему народу. Это те самые господа, которые когда-то не захотели понять, что такое демократия, а если теперь, наконец, «спониял» это, то только для того, чтобы опрочизнать и славнословить происходящее разрушение культуры.

Подлый, преступный космополитизм этих изменников не имеет ничего общего ни с демократией, ни с интернационализмом, ни даже с трагическим заблуждением какого-нибудь Корюлана. Этот космополитизм основывается на принципе: «Еле мне хорошо, там и моя родина».

Полную противоположность этому космополитизму негодяев и преступников составляет чистый, творческий, боевой интернационализм тысяч и тысяч честных интеллигентов. Такие люди есть во всех странах капиталистического мира, и самое их существование служит залогом лучшего будущего их стран, их народов.

Лишь немногие из них и лишь в редких случаях имеют возможность высказываться открыто. И поэтому каждое их слово, дошедшее до нас, мы должны расширять как слово, произнесенное многими. Когда, например, американский ученый Дала заявляет, что он не «интервенционист» и не «изоляционист», а интернационалист, то в объяснение такой своей позиции он говорит, что к этому его привлекло многолетнее изучение международных литературных связей и международного рабочего движения. С незначительными отклонениями то же самое могли бы сказать о себе и другие единомышленники Дала, и этим их интернационализм отличается от космополитизма противоположного лагеря. Еще ясственней это вытекает из одного выступления Т. Драйзера, который говорит: «Мир расширяется, и поэтому мы сейчас стоим ближе к нашим народам, нежели еще несколько лет тому назад».

Приведенные выше мысли Драйзера представляют собой лишнюю довод в пользу той, неоднократно уже самой жизнью подтвержденной формулы Г. Димитрова, согласно которой то или иное отношение к Советскому Союзу рождается как бы по историческому водоразделу между реакцией и прогрессом.

Чем сильнее будет ураган империалистической войны, чем ярче оканчиваются кровью реки и океаны мира, тем все более и более решающее значение приобретает этот исторический водораздел. Можно было бы предположить, что живущие и работающие в Советском Союзе западные писатели в условиях европейской войны, нарушенных транспортных и иных связей — чувствуют себя гораздо более, чем когда-либо, оторванными от родных стран и народов. Такое предположение ошибочно. Духовно мы сейчас стоим ближе к нашим народам, нежели еще несколько лет тому назад.

Интеллигенция, ищущая дорогу в будущее, приходит к Советскому Союзу самыми разнообразными путями. Одни хотят ознакомиться со страной, ее народами, их искусством и наукой. Других интересует Красная Армия и Сталинская Конституция. В Европе, где подавляющее большинство народов испытывают все муки неразрешенного национального вопроса, люди с удивлением и восхищением внима-

Лицо родины

Все, о чем рассказывается в этой книге, вы видели собственными глазами: и эти сверкающие своей белизной и яркими красками строения здания, и эти обширные площади с алмазными бригадами высоких фонтанов, и эти улыбки, и эти улыбки. Вы видели и тысячи людей, которые приезжают в эти прекрасные места со всех концов Советского Союза, чтобы с радостью и торжеством обозреть и самим участвовать в грандиозном смотре побед, о котором рассказывает эта книга. Каждая ее страница дышит правдой, ибо в книге запечатлены действительная жизнь и люди, создавшие ее.

На одной из первых страниц книги мы видим В. М. Молотова, который перерезает ленту. Это было 1 августа 1939 года, в день открытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. С тех пор она вошла в жизнь народов Советского Союза, как величайшая, неустанно обновляемая школа производственного опыта и организации социалистического сельского хозяйства.

Со страниц книги смотрит на нас лицо великой родины. Мы видим богатейшие контуры доменных печей, видим озелененные дворы, обширные, полные света и движения печи заводов-гигантов: Горьковского, Сталинградского, Челябинского, Московского и других. Отсюда на необозримые колхозные и совхозные поля направляются тракторы, комбайны, автомобили, идет мощный поток машинной техники. С помощью этого стального войска машин трудовой народ, руководимый партией Ленина—Сталина, преобразовал древнюю русскую землю и победоносно омолодил ее.

Вот он, знаменитый всей стране Павильон Механизации, пронзенный солнечным светом, овеваемый алыми крыльями знамен. Каждый великодушный, зрячий и опытный познаватель документ, с предельной ясностью показывающий основы, на которых происходит революционное переустройство сельского хозяйства. Рассматривая множество машин с гордо красующимися марками советских заводов, мы отчетливо представляем, откуда взялись богатейшие урожаи, эти горы обмолоченного зерна, хлопца, сахарной свеклы, дыка.

Как прекрасны картины обильного, рожденного стахановским свободным трудом: прозрачные гроздья винограда, великодушные яблоки, такие крупные, что не всякая рука обхватит их, капли дождя на их шелковистой кожине сверкают бриллиантовой крошкой; овощи, которые сочностью своих красок почти не уступают фруктам, — огромные помидоры, как бурные арабы, кохлящие арбузы, кораллово-красные помидоры, кочаньи капуста, напоминающие пышные зеленые букеты... Мед, как драгоценный ароматный сплав, нежно темнеет в липовых баделях, а пчеловод, зачерпнув полную ложку, с доверливой усмешкой мастера следит, как липкие капли медленно стекают вниз... Большие охапки шерсти возвышаются над головой несущей их кохозницы, пышные и легкие, как летние облака.

Все эти победы над землей, все это обилие, которое из года в год будет увеличиваться, созданы крепчайшим сотрудничеством свободного труда, высокой техники и науки. Наша советская передовая наука, как и социализм, вошла в колхозный быт, стала близкой и живой конкретностью. Тысячи колхозников, на опыте проверили благотворную силу таких, например, агротехнических приемов, как яровизация сельскохозяйственных культур или их внутрисортное скрещивание, разработанных академиком Лысенко. А каких замечательных результатов добился академик Цицин в своих работах над пшенично-пырейными гибридами, благодаря чему теперь по-новому решается вопрос о гибридных формах многолетней пшеницы, ржи, овса, ячменя. За колосом многолетней пшеницы нетрудно увидеть биологическую вереницу победных колесниц близкого будущего, когда господство трудового человека над природой еще более усилится.

Книга о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939—40 года документально показывает, как сотрудничество стахановского труда, передовой науки и техники рождает в людях чувство нового и смелость дерзаний. Человек говорит: «Сегодня здесь пустыня, сегодня здесь болото, а завтра будет — пашня и сад! Здесь росла только худосочная овсянка, а будут наливаться яблоки!» И все исполняется по слову человека... Замерили ли вы на территории выставки стелющиеся яблоки? Эти яблоки находятся на экспонатном участке доктора сельскохозяйственных наук А. Д. Кизюркина. Новатор северной агротехники, т. Кизюрин заложил в Омске первый крупный сад стелющихся яблоневых деревьев, и вот мы любимся легким яблоком-скороспелкой, грушовкой московской, которая, на удивление сибирякам-старожилам, произрастает в Омске.

Четверть века назад московские старожилы никак не поверили бы предсказанию, что на московской земле, в средне-русской полосе будут расти пальмы и агавы, как мы видим их теперь перед павильоном Грузинской ССР, или заросли бамбука... Кто четверть века назад поверил бы, что на Кавказе так широко привьются тысячелетние культуры — рис и чай?.. «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача», — говорил Мичурин, всю свою жизнь посвятивший переломке природы в интересах человека, для счастья человека. Этот человек, весь духовный и волевой строй которого сложился под воздействием учения партии Ленина—Сталина, конечно, не станет ждать «милостей от природы», а заставит ее работать на себя. Земное плодородие в нашу эпоху распространилось далеко на север, в дикое, как говорили в старину, «варяжские места»: за горы сталинских пятилеток пошла северная садоводство на Сахалине, в Нарыне, на Камчатке, в Игарке уже составила 12 тысяч гектаров. Свежие овощи за Полярным кругом, северное яблоко, дальневосточный виноград — живая реальность, никого уже у нас не удивляющая.

Могущественный хозяин огромных земель, человек социализма подчинил себе и жизнь фауны. В павильоне «Охота и звероловство» вы попадаете в пушистый теплый мир мехов: тут голубой песец, морской котик, морская выдра, вывезенные из крупных звероловческих ферм на Командорских островах. Вы увидите темнозолотых собольих изюм Москвы, бекау-тедзутку, крокодинов-шпицла. Питательные олени, подбавляя к аскетической пище, почти без испуга смотрят на людей. Они чувствуют, что здесь ничья хищная злая воля не угрожает их жизни... Да, везде и всюду на Выставке, полаганной в этой книге, мы видим живые, красочные доказательства, как разумно и плодотворно творческая воля социалистического создания направляет и организует природу — флору и фауну страны. И нет предела мечтам советского человека, его дальнейшим планам и победам.

Мне вспоминается характерная сцена на Выставке 1940 г. Молодой казак-колхозник с Кубани показывал посетителям Выставки бегов, как снег, скакуна, Кайбой-то бороздал, откровенно любящий красавцем-псом, все же, по старокрестьянской привычке, неохотно спрашивая: «Поди, у вас в колхозе такой-то конек один-раз-единственный!» Молодой казак обижено вскрикнул: «Один! Как бы не так — кубанские степи широкие, есть где нашему табуну разгуляться!» Потом, в ответ на какое-то прищипчивое замечание старика, парней трихнуз своих курчавым чубом, лихо свинув на ухо картуз и гордо пропозно: «Этой ты, право... мы таких скакунов еще не одну сотню можем вырастить! Сам знаешь, вперед итти — нам зарюка нету!» И все вокруг дружно захлопали, покоренные этой гордой уверенностью.

Неизменно идущими вперед видим мы наших современников, участвующих на Всесоюзной выставке. Во многом, что создано ими и представлено здесь, мы видим заграничный лезвие. Он смотрит на нас не только как нечто страстно желаемое и возможное, но уже как живая реальность. Уже весна. Скоро гостеприимно распахнутся ворота Выставки, и золотой арка, высоко взнесенная к голубому небу, займет навстречу тысячам посетителей. И снова мы увидим чудесную картину — родную страну, представленную трудом ее лучших людей.

«Смотр побед социалистического сельского хозяйства». Сельхозгиз, Москва, 1940 г.

ГОРЫ

— Нам час для рожденья дается
И час, чтоб навеки отойти!

1.
Гора над горой громогудит,
Вечная тенью орлиной;
Поднявшись из хлябей потопа,
Оделись в снега исполним.

То солнце глядит, как в бойницу,
То туч набегает отара,
На рык недобитого барса
Грома откликаются яро.

Рогамы сшибаются туры
Под грохот летящей лавины,
Но холод надоблачных высей
Сплавляет разбитые льдины.

2.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

3.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

4.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

5.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

6.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

7.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

8.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

9.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

10.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

11.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

12.
Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

13.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

14.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

15.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

16.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

17.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

18.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

19.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

20.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

21.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

22.
Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

23.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

24.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

25.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

26.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

27.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

28.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

29.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

30.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

6.
Здесь первый стан разбил на скалах
Народ, спасавшийся от бед,
Примчавшись на конях крылатых
Из края, где владычили хетт.

7.
Как тяжелы в пути увечья,
Как зло вослед смерчи неслись!
Остались позади — Дуэреция,
Капподокия и Галис...

8.
Судьба развезь все могла бы,
Когда б народ страшился гроз,
Но он железной хваткой граба
Корнями в эту землю врос.

9.
Вот место бить бойцов бывалых,
Подземный ход и свод ворот
И город, высеченный в скалах,
Где зимний ураган ревет.

10.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

11.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

12.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

13.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

14.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

15.
Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

16.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

17.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

18.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

19.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

20.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

21.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

22.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

23.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

24.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

25.
Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

26.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

27.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

28.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

29.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

30.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

31.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

32.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

33.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

34.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

35.
Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

36.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

37.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

38.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

39.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

40.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

ГЛАВА ИЗ ПОЭМЫ «ДЕТСТВО ВОЖДА»

6.
Здесь первый стан разбил на скалах
Народ, спасавшийся от бед,
Примчавшись на конях крылатых
Из края, где владычили хетт.

7.
Как тяжелы в пути увечья,
Как зло вослед смерчи неслись!
Остались позади — Дуэреция,
Капподокия и Галис...

8.
Судьба развезь все могла бы,
Когда б народ страшился гроз,
Но он железной хваткой граба
Корнями в эту землю врос.

9.
Вот место бить бойцов бывалых,
Подземный ход и свод ворот
И город, высеченный в скалах,
Где зимний ураган ревет.

10.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

11.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

12.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

13.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

14.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

15.
Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

16.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

17.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

18.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

19.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

20.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

21.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

22.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

23.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

24.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

25.
Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

26.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

27.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

28.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

29.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

30.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

31.
Века крушили нас немало,
Мы помним боль до наших дней,
Что в этом крае приваляло
Султанов, шахов и царей!

32.
Казалось, дух грузин упорный
Был временами сокрушен,
Но нет, — он удалился в горы,
Там вечно бодрствовал он.

33.
О, гор косматые отроги,
Коль вас повергнуть захотят,
Вы зарычите, как в тревоге
Львы, защищающие львят.

34.
Здесь выросло бойцов немало,
Свободе преданных навеки.
Здесь в чаше омывал десницу
Отчизне верный человек.

35.
Стервятников стогнал с погибших —
Кто среди них без сил лежал;
Над раненым кружились ворон
И долю теплой крови ждал.

36.
Здесь силой тигриной гордились
И шашкой, вишующей страх;
Здесь с древних времен прославляли
Клинок, закаленный в боях.

37.
Здесь ждали родители сына,
Чтоб им облегли он удаля
И сердцем своим светоносным
Всю землю в сиянье одел.

38.
И гор появился питомец,
Кто мощь Амира на таил
И в узниках жаждою свободы,
Оковы разбил, утопая.

39.
За свежестю карликового мая,
Проникну в сердце волной,
Родную страну он украсил
Невиданной вечной весной.

40.
Враг халелат из грозной дали,
И меч долины покорял,
Здесь землю копытами пахали,
Громили каменный Дарьял.

Сила слова

Маленькая детская книжка называется «Здравствуйте». Невольно останавливаешься: кто это приветствует тебя — читателя так непринужденно и просто, как давно и хорошо знакомого? Кто так от души желает тебе здравствовать? Маленькая девочка, выслушавшая из окна, или за ее плечами — сам поэт Лев Квитко, написавший эти стихи о ней и для нее?

Есть настоящая радость в том, что старому слову, которым все привыкли пользоваться, как мелкой разменной монетой, пост вдруг вернула первоначальную свежесть первого детского впечатления, свежесть новизны, неожиданной и заманливой. Это радость мастерства, свободного владения словом — драгоценное свойство поэта. Но еще радостнее та поистине удивительная свобода и легкость, то абсолютное доверие, с которым поэт обращается к своим тысячам своих маленьких читателей. Эта радость — нового ощущения жизни, новых человеческих отношений, нового, никогда и нигде не бывавшего положения поэта — самая замечательная черта нашего времени, нашего нового мира. Всегда немножко чужаки и всегда очень одинокие поэты, ютившиеся на чердаках старого мира, поближе к небу и подалее от земли, могли позволить себе такое «здравствуйте» разве только, как браваду, как дерзкий вызов или как горькую шутку. Один из самых горьких шутишек литератур, еврейский писатель Шолом-Алейхем, мог позволить, услышав, как прямо, без обиняков, радостно и уверенно другой еврейский писатель говорит теперь «здравствуйте» всем детям великой страны, ставшей ему родной не только физически, но и духовно.

Разный облик придавало поэту время: он был пророком и жрецом, страстным певцом, и приворочным шутом, и народным трибуном. В новом мире, где владыкой утвердился труд, профессия писателя получила новую, новую оценку. Недавно на читательской конференции в одном фабричном клубе пожилой рабочий сказал писателю: «Как понимать: «инженер душ»? Я понимаю это так. Когда у меня портится станок, и работа не клеится, я зову инженера, он объясняет мне, в чем беда, и налаживает машину. А когда у меня не ладится жизнь, я беру книгу и хочу, чтоб писатель помог мне познать и исправить душу».

Это локальное, «техническое» определение задачи писателя, назначения литературы, может быть, покажется примитивным с точки зрения литературоведа или историка культуры. Но в устах рядового массового читателя оно радует, как признание равноправия литературного труда, как утверждение «места поэта в рабочем строю», радует своей новизной и оптимистичностью. Не услышишь, не услышишь, не услышишь, не услышишь «заговорить» душу, как просим когда-то русский читатель, мечта

Творческая конференция драматургов

Пьесы М. Светлова «Сказка» и «Двадцать лет спустя» не без основания вызвали при своем появлении оживленные споры. Собственно, и сейчас еще существуют диаметрально противоположные взгляды на их сценические достоинства. Есть, например, мнение, что «Двадцать лет спустя» — произведение, чрезвычайно далекое от драматургии, хотя несомненно талантливое, как поэма. На противоположном полюсе находятся безоговорочные поклонники поэта Светлова, начисто отвергающие обвинения в беспечности его пьес и ссылающиеся на удачные постановки и успех в Московском театре для детей.

Так или иначе, творчество драматурга Светлова могло бы стать предметом интересной дискуссии. И с этой точки зрения предвидим Союза писателей был абсолютно прав, когда решил творческую конференцию начать со Светлова. «Двадцать лет спустя» — хорошая «затравка» для серьезного разговора о нашей современной драматургии.

При всем наличии таких, казалось, благоприятных условий серьезный разговор не состоялся. Грудно даже сказать, почему так получилось. То ли докладчик Н. Оттен дал неверный тон, то ли сравнительно скромные были восторги восторжеской лирики Светлова, чем разбить его драматургию. Последнее в известной мере подтверждается обилием застольных речей, слишком мало содействующих развитию критической мысли.

Из обширного доклада, прочитанного Н. Оттен, следует выделить два более чем спорных положения. Первое заключается в необоснованном зачислении пьесы в ряд исторических. Если «Двадцать лет спустя» и можно назвать исторической пьесой, то лишь в условном смысле, поскольку она написана на материале гражданской войны. Она в такой же степени историческая, как и «Сказка», так как обращается к нашим дням.

Если это утверждение можно объяснить склонностью к категорическим формулировкам, то второе — вытекает из принципиально и фактически неверной предположки. Тов. Оттен, не задумываясь о последствиях, признал «Двадцать лет спустя» произведением, открывающим «новый этап» в изображении гражданской войны. Собственно это и дало повод к разговору о «столбовой дороге», о двух — положительной и отрицательной — тенденциях в нашей драматургии и многом другом, что не нуждается в подробном разборе.

Тов. Фадеев совершенно резонно отвел этот поток несерьезных обобщений в дело делового разговора о пьесе Светлова, как конкретном явлении, несомненно талантливом и достойном объективного анализа. Наиболее сильной стороной драматургии Светлова, по мнению т. Фадеева, является лиризм, выраженный в форме драматической поэмы. Поэт наделяет своим качествами героев, как бы присутствуя где-то рядом с ними. Лирика Светлова передается зрителю в песнях и стихах, читаемых со сцены. Происходит лирическая переключки. И когда обилие светловского лиризма действует на зрителя, пьеса удаётся. Этим и объясняется успех или неуспех постановок пьес Светлова в разных театрах.

Нельзя не заметить, что как только герои Светлова перестают читать стихи и начинают действовать, озабоченно просят. Это не что иное, как следствие драматургической слабости пьес Светлова. Не хватает убедительности, которая позволила бы драматургу доработать свои произведения и меньше надеяться на театр, не переключаясь на него окончательно драматургическую разработку своих лирических поэм.

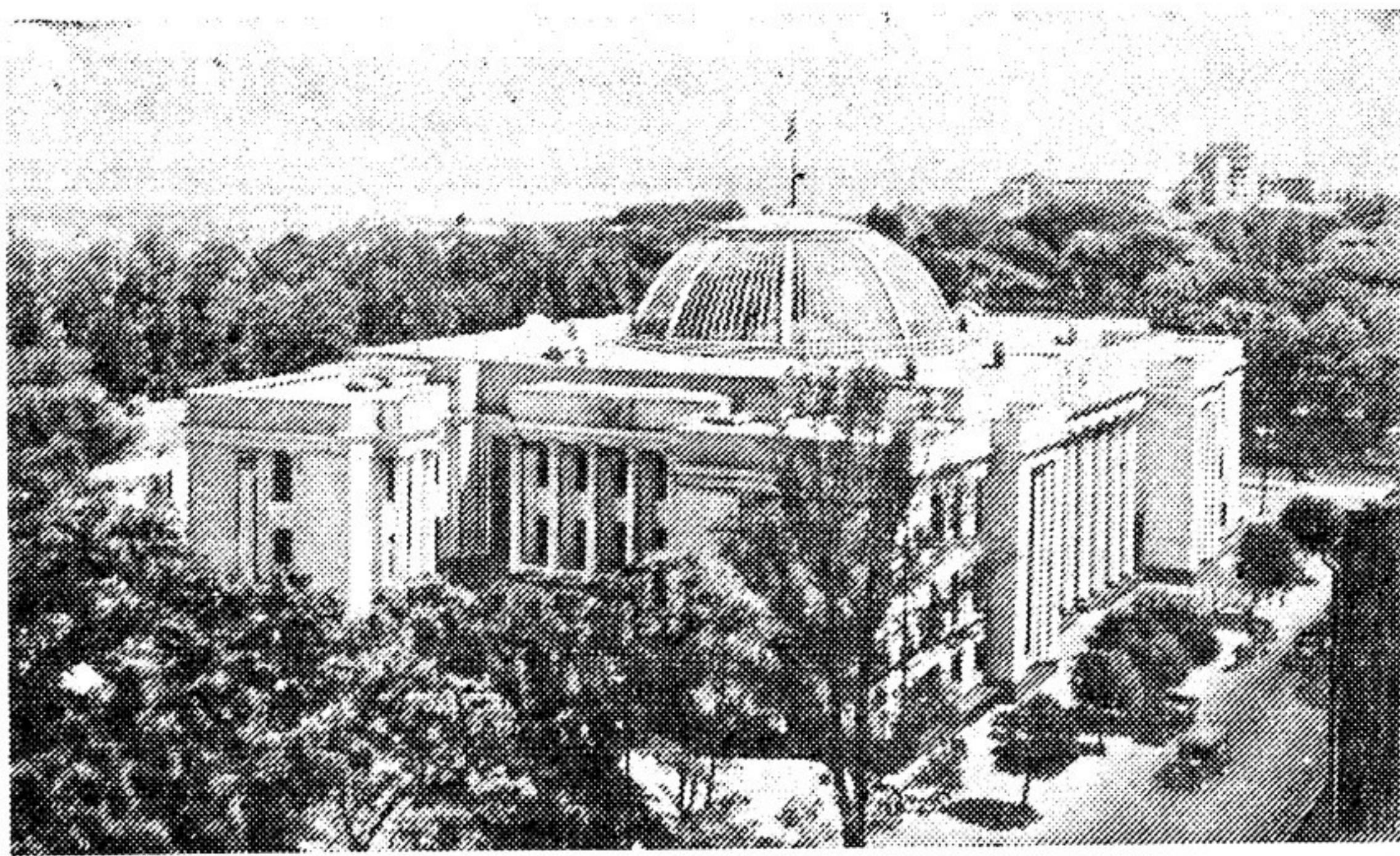
Убедительным подтверждением точки зрения т. Фадеева является выступление артиста Гушанского, исполнителя одной из ролей в пьесе «Двадцать лет спустя». Главная задача, какую ставил перед собой театр, приступая к постановке пьесы Светлова заключалась в том, чтобы «вытянуть лишнее действие» в спектакле, действия внешнего и внутреннего, и тем самым избежать содерзательности.

Тов. Гушанский полемизирует с ораторами, считающими, что Светлов своим творчеством «указывает путь» всей драматургии. Светлов — художник с резко выраженными индивидуальными приемами. Все, что он пишет, не похоже на то, что пишут другие драматурги. Но мало быть непохожим. Надо быть в своей непохожести завершенным.

С последним замечанием автор полностью согласен. Он остроумно ответил своим не в меру расточительным на широкие обобщения «рузьям». Отказавшись от «столбовой дороги», М. Светлов являл свое право на одну из множества тропинок, какими идут художники к общей цели, — к полному искусству.

Так, вкратце, итог первого заседания творческой конференции драматургов. В дополнение к ранее высказанным замечаниям надо добавить следующие: на конференции не совсем щедро были представлены критика и почти не было на ней... драматургов.

В. М.

В СТОЛИЦАХ УКРАИНЫ И ГРУЗИИ. На снимках — слева: здание Верховного Совета УССР в Киеве (фото С. Юдина); справа: Дом правительства в Тбилиси (фото А. Шахтара).

Новые издания на польском языке

Госиздат Белоруссии наметил в своем плане на текущий год издание польского художественной литературы, а также произведений классиков марксизма-ленинизма, переведенных на польский язык. На художественных произведениях выйдут на польском языке рассказы и повести Максима Горького, поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и Г. И. Ладского «Счастье», «Яблоко», «Яблоко-музыка», «Забранные Алама», Микшевича «Двадцать лет спустя», «Ода к молодости», повести Эдвина Ожешко, произведения Марины Конопницкой. Выйдут также книги современных польских советских писателей — Ваньки Василевской, Я. Броневской, Е. Сельм, Т. Гловацкого и других.

На польском языке издаются также «Хлеб» Алексея Толстого и «Рожденные бурей» Николая Островского. Для детей выйдут: Г. Байдуков «Встречи с товарищем Сталиным», Ю. Герман «Железные Феликс», Джимбул «Юлыбельная песня», стихи для детей Яны Кушаны и Якуба Коласа, оригинальные произведения польских детских писателей.

Надлежащее решение высылки альманаха современной польской литературы БССР. В эти альманахи выйдут лучшие произведения молодых польских поэтов и прозаиков республик.

Тщательно будет исследовано литературное наследие Эдвина Ожешко. В Гродно, где она проживала, идут подготовительные работы к открытию литературного музея ее имени.

Е. САДОВСКИЙ.

«ПАДЕНИЕ ПАРИЖА» В «РОМАН-ГАЗЕТЕ»

Гослитиздат выпускает трехтомным тиражом в «Роман-газете» новый роман Ивля Эренбурга «Падение Парижа», первая часть которого напечатана в № 3 журнала «Знамя».

«Падению Парижа» Гослитиздат посвящает три номера «Роман-газеты» за этот год.

Собрание актива Гослитиздата

Состоялось собрание актива сотрудников Гослитиздата.

В первом квартале текущего года Гослитиздат получил больше бумаг, чем за первые три квартала прошлого года. По бумажным ресурсам, как выяснилось из доклада директора издательства П. Чагина и прений, Гослитиздат мог выполнить в первом квартале 25 проц. годового плана. Между тем, он выполнил лишь немногим более 19 проц. плана, а в Ленинградском отделении — всего 10 проц.

План текущего года обещает исполнить на 20 проц. номинальную стоимость книг. Однако конкретные достижения в этом направлении еще нет.

Нельзя печально было говорить о низкой культуре редакции Гослитиздата. Наглядно это было продемонстрировано на двух примерах — изданиях «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого и полного собрания сочинений А. М. Горького.

Редакционные замечания к «Хаджи-Мурату» содержат подлинные перлы невежества. Редактора сектора классиков (редактор А. П. Костыкин) не сумел обеспечить издания полного собрания сочинений А. М. Горького без ошибок. Дирекция поаому пришлось приостановить печатание очередных томов и срочно поручить просмотр их Л. Гураеву.

И Гослитиздату неслучайно неслучайно не достигают ему удалось ликвидировать хроническое запоздание выхода в свет издаваемых им журналов. Редакция журналов настолько улучшила свою работу с рукописью, что оказалось возможным осуществить конвейерный способ выпуска, ликвидирующий ряд промежуточных этапов авторской и редакционной правки.

Этот метод скоростного производства Гослитиздат рассчитывает распространить на книги.

Вечер П. Бажова

На вечер П. Бажова, автора книги Уральских сказов «Малахитовая шкатулка», в клуб писателей 26 апреля пришли писатели и москвичи фольклористы.

Творчество Бажова охарактеризовал, открывавший вечер, А. Караванов. Три главы из книги «Малахитовая шкатулка» прочитали на вечере заслуженный артист республики Д. Орлов и В. Фунтиков, выразившие свое восхищение своеобразным мастерством писателя.

Автор книги и сейчас продолжает сбор сохранившихся еще кое-где у старожилов Урала мифов и преданий о старых талантливых мастерах, каменерах и гранильщиках.

Меньше всего говорилось, по словам П. Бажова, чудесный фольклор, переключившись с фольклора Камы и Волги. Источником многих интересных сказов является попрежнему Гумбешевский рудник, рудня лучшего малахита, а наиболее красивыми узорами рисунками и высоким качеством подделочного камня.

— Я хочу, — сказал П. Бажов, делая творческими планами, — продолжить свою книгу до наших дней и завершить ее писательством о том, как советские горнорабочие посылали в Москву драгоценные камни для кремлевских звезд.

Школьники в Доме писателя

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Накануне 1 мая Дом писателя И. Маяковского наполнился ленинградскими школьниками. В писательском клубе состоялся отчетный вечер творческих групп литературного сектора Дома писателя.

Выступил докладчик, внук поэта, в том числе: восьмилетний Володя Фертат, прочитавший с прелестью детскую непосредственностью стихотворение «Старуха», девятилетняя Мая Фрадлина, автор стихов о мальчике Володе Ульянове, двенадцатилетний Юрий Толстой, правнук известного поэта Алексея Константиновича Толстого.

С большим вниманием присутствующие на вечере писатели выслушали стихи учащихся старших групп Абрама Плавнина, Николая Леонтьева и многих других. Вступительное слово сделал Николай Тихонов, давний опекун творчества ряда участников вечера.

Все это было более досадно, что Коничев — писатель одаренный и при более сосредоточенной, добросовестной работе над материалом мог бы от своих недостатков избавиться. В прениях выступил также поэт Л. Мартынов.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮБИЩЕВ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

НОВЕЛЛЫ

Старый крестьянин

В Париже, на выставке. В Советский навильон пришел старик. На нем была синяя крестьянская блуза, он носил широкополую шляпу и грубые башмаки.

В руках он держал сверток. Минута экспоната, старик направился прямо к статуе Ленина. Здесь он остановился, обнял голову, поклонился и положил шляпу наземь. Следом это, он занялся своим свертком. Он развязал веревочку, развернул одну бумагу и грубую и извлек пучок колосьев. Они были перевязаны шелковой ленточкой с длинными свободными концами. Старик встряхнул их, расправил и положил к подножию статуи. Не обращая внимания на публику, которая с молчаливым любопытством следила за его действиями, старик запустил руку себе за пазуху и достал из глубокого крестьянского кармана

Виктор ФИНК

Встреча с двойниками

Когда в 1939 г. Красная Армия заняла город, где я родился, у меня появилось чувство, я бы сказал, мистического свойства. Мне стало казаться, что где-то по улицам этого города бродит мой двойник, человек, которому досталась моя судьба, оставленная выплохих вместе с домашними вещами, которые родители мои не успели увезти.

У меня было страшное любопытство к этому человеку, который должен был быть мной. — естественное любопытство к своей возможной судьбе. То, что я уехал отсюда, было чистой случайностью и от меня не зависело никак.

До сих пор мне не удалось попасть на родину. Но с двойником я встретился здесь, в Москве. Передо мной с письмом от тамошних родственников сидел человек, и в самом деле похожий на меня лицом. Нет, незнаящая это оказалась судьба. И надо не потому, что это был человек недоучившийся, с неопределенной профессией, испытывавший тягость безделья от безработицы, бесправие национальное и бесперспективность жизни, а то, что создание этого жителя зарюков Европы было узко и ограничено. У него было чувство обилия на несправедливость жизни, но не было чувства родины. Он хотел поправить профессию, но это было стремление к заработку, а не к труду. Он был рад, что наш мир надежен и огражден оружием, но сам интересовался, главным образом, заступил ли ему службу в польской армии или ему снова придется служить. И хотя в общем это была неплохой и привлекательный человек, широкоплечий и веселый, встреча была тем менее утешительной, чем более он походил на меня лицом.

Б. ИВАНТЕР

Забывтое имя

Было раннее утро, и голуби, урча и воркуя, расхаживали вперевалку пешком по безлюдным мостовым.

Вокруг узкие, высокие дома средневековых кварталов старого города теснялись вверх.

В легком солнечном свете весеннего раннего утра урюмо любезнивало старое золотое узкое, четырехгранное куполо кирки.

Фасад дома из старинного, усталого камня, выцвелевшего и пористого, точно каменная губка, был жирно заштукатурен, и сверху по нему спускалась прямолинейная реклама обуюного магазина.

Дом выходил на набережную, и тут же, ввиду в магазине, продавались небольшие якоря, пузатые сигнальные фонари с цветными стеклами, и в витрине были выставлены деревянные штурвалы и морские канаты. За стальной дверью белела табличка, так как было еще слишком рано, и магазин был закрыт.

Но в соседней двери звякнул дверной звонок, и невидимая рука из-под занавески перевернула такую же точно табличку с надписью на незнакомом языке. Тут была парикмахерская.

У меня начинало уже рябить в глазах от непрерывных бужо уличных реклам и незнакомых улиц чужого города, от обилия голтики и красной черепицы и деревянных шпиль, увенчанных вместо креста золотым петухом с пыльным хвостом, и я вошел в парикмахерскую.

Хозяин еще не начинал работать, он надевал белый халат, и мне пришлось подождать, пока законит вода и пока он раскурюит вонючую пачку мыльного порошка.

Когда все, наконец, было в порядке, и я сидел, откинувшись в кресле с замысловатыми шеками, прислушиваясь к треску бритвы, скользящей мой подбородок, хозяин, нагнувшись ко мне, таинственно подмигнул, показывая куда-то вбок.

Скрютив глаза, я увидел сухонького старичка в помятой светлой куртке мутноватого цвета, который только что подал нам горячую воду и теперь как раз собирался скрыться за ситневой занавеской, унося подмышкой пустой подносик.

— Обращай внимание! — вполголоса спросил хозяин, — довольно интересный тип. Гельвинг. Вы не слышали такую фамилию?

Мне вспомнилось, что действительно я где-то слышал такую фамилию.

— Лет 20 тому назад был такой тенор. Формальная знаменитость. Учился в Италии и тому подобное.

Тут уж мне окончательно вспомнилась открытка на «Лосонгрена». Человек в латах, оперенный шлем, меч и фамилия Гельвинг.

Я сказал, что да, я помню что-то похожее.

— Ну, вот видите, — оживился хозяин, — помните? Так у нас тоже есть Гельвинг, — и постукал по краю стакана, как

делают, подывая кальнера в кафе, — интересный тип, вы увидите, — добавил он подуопотом и тотчас снова громко заговорил, выпрямляясь, — так вы знали Гельвинга? А у нас есть тоже один Гельвинг, у нас тоже есть! Вот, пожалуйста! Сухопарый старичок, торопливо явившийся на зов из-за занавески с совком и траншим венником, поморщился и, деловито переминаясь, остановился посреди комнаты.

— Вы слышали, вот клиент интересуется вами. Он, видите ли, знал одного Гельвинга, — громко проговорил хозяин и снова подмигнул мне.

— Вы имеете, вероятно, в виду известного певца Гельвинга? — сдержанно обратился ко мне старичок с метелкой, — конечно, вы понимаете, что это не более, как шутка по поводу совпадения фамилий.

— Ну, ясно — шутка! — промолвил согласился хозяин, оживленно намыливая меня во второй раз.

— Да, — вдруг с достоинством, как будто с кем-то соглашаясь, заговорил старичок, — действительно тот Гельвинг был большой артист. И он видел успех в жизни. Серебряные пенки и овалы. Газеты описывали его галстуки и меню его завтрака. Все это, конечно, мифтура, но он-то был большой человек! Это правда!

Он проговорил это почти с возмущением, и его старческие щеки порозовели. Я спросил его, не родственник ли он певцу.

— Родственников? — с неважными прерением к самому себе старичок пожал плечами, как-будто я сказал ужасную безбастность.

Он даже стеснительно всмялся, но тотчас же скромно замолчал.

— Я только ничтожный человек перед ним. Неужели вы думаете, он мог бы жить здесь? После такой блестящей жизни. Да он сошел бы с ума здесь, — старичок обвел вокруг себя метелкой.

— Так где же он, по-вашему, сейчас? — спросил хозяин, опять делая мне знак.

— Насколько я слышал, он где-то в Южной Америке. Вы понимаете? Круное состояние. Отдых в тиши после бурной жизни артиста. Наверное, я, конечно, не знаю, но я так слышал. Прому простить, — и он, поклонившись, ушел за занавеску. Хозяин усмехнулся и, помолчав, сказал:

— А что вы думаете? Разве легко человеку признаться, что он был прежде кое-чем, а теперь стал ничем? Я еще мальчишкой помню его, когда бегал вместе со всеми на галерку, чтобы послушать, когда он приехал на гастроли. А вот теперь я его зачем-то держу у себя, когда я мог бы взять на его место молодого. Но уж такой у меня характер. И потом посетители иной раз интересуются... Он задумчиво покачал головой и крикнул:

— Гельвинг, можете убирать прибор!

Ф. КНОРРЕ

ПРОЗА И СТИХИ

На конференции писателей края и областей

Детство крестьянского мальчика деревенской деревни описывалось в русской художественной литературе множество раз. И взять именно эту тему для своего первого крупного произведения — большая творческая везуха. Об этом говорили участники конференции писателей края и областей, приступая к обсуждению повести «Мишкино детство» М. Горьбова (Курск).

Во всех выступлениях отмечались оди и те же недостатки первой повести Горьбова. Она многословна, в ней мало стилистических погрешностей. Не удалось Горьбову начать и конек произведения. Первая глава, по мнению И. Рыкачева и Л. Мышковой, не нужна. Люди в ней только перечислены, оживают они в следующих главах. Неудачно описание города, куда приезжает в конце повести Мишка и где умирает его мать.

Соглашаясь с критическими замечаниями выступивших товарищей, М. Горьбов сообщил, что он уже начал работу над исправлением повести. Недостатки которой он и сам ощущает. — Повесть «Мишкино детство», — сказал он, — первая часть задуманной мною книги. Следующая часть уже вчерне написанная, носит название «Хозева».

Некоторые поэты, участвовавшие в обсуждении творчества Н. Кушума (Свердловск), читали его ранние стихи, написанные лет 8—10 назад. Стихи эти, несомненно и косвенные в формальном отношении, подкупали, по мнению поэтов, своей непосредственностью, свежестью чувства, наблюдательностью. Они запомнились надолго. Однако произведения, написанные за истекшие годы, как и те, о

которыми Кушум выступил на конференции, по общему признанию утратили свою первоначальную свежесть и конкретность, оказались беззвучными и примитивными с точки зрения поэтического мышления, первичными, незавершенными в формальном отношении.

Срепенная тема, за которую Кушум принимается не так уж часто, разрабатывается им шаблонно, без сколько-нибудь глубокого проникновения в суть явления. Таково стихотворение «Юля», суровое и слабое. Большую живность проявляет поэт в «фантастическом» стихотворении «1979 год», где плакатно, лубочно противопоставляются два мира — мир большевиков и капитализм в лице рыжего дьявола Юа, погибавшего в ущельях Кордильеров, «взглянув на смерть из револьвера».

— Кушум любит свой край, — отмечает т. С. Обродович, — но он не умеет в стихах показать его особенности.

М. Алнгер считает, что многое в творчестве Кушума духовно и поэтически крайне слабо. Она приводит примеры унылых рифм: «тебя», «глуби», «себя», «сток», «забитых словами и лишними всякой музыкальностью, прозе: «Особенности эти зная, нажимал герой наш на спортивные причуды, немисские штаны выжимал под восхитенные обалдевших судей».

И. Эренбург, который также считает, что почти все новые стихи Кушума слабы, старается все же найти и положительные черты в творчестве поэта.

— Дело не в плохих рифмах или неточных эпитетах, — говорит он, — Их можно заменить, но едва ли это исправит стихи. Важно, чтобы поэт писал о том, что его волнует как гражданина и как художника. Тогда не будет у него чужих «чужих» слов, образов, вырванных из контекста. Признаки поэтического волнения И. Эрен-

бург чувствует в стихотворениях «У лета веселые шалости», «В начале августа» и в одном из отрывков из поэмы «Семьгорье». У Кушума очевидно, по его мнению, склонность к пейзажу, тут он находит наиболее музыкальные интонации, такие стихи для него органичны. Такого же мнения о «неважных» стихах Н. Кушума и С. Обродович и В. Петричев.

В прениях участвовали также председатели творческих объединений Л. Дитяч, А. Софонов, В. Рюриков, Н. Рыленков, Я. Смеляков и В. Пермяк.

В центре внимания при обсуждении творчества К. Коничева (Архангельск) была его повесть, еще не изданная «Повесть о Фелоте Шубин». Выступавшие говорили, что это несомненно интересная работа, знакомая читателей с биографией одного из талантливейших представителей русского народа, современника Ломоносова и Дени Дидро. Однако познавательную и художественную ценность повести снижают имеющиеся в ней значительные недостатки.

Т. А. Ступникер, А. Караванов, В. Ваделкин, М. Никитин и Л. Шапиро, особенно подробно разбирающие эту вещь, говорили, что Коничев не избежал опасностей, часто подстерегающих авторов биографических произведений. Герой повести дан не в процессе становления, а в «готовом», законченном виде, таким, каким он и без того широко известен.

Недостаток повести еще и в том, что, вопреки действительной биографии и исторической обстановке, Шубин представлен чуть ли не революционным демократом и врагом религии. Задача автора исторического произведения показать не только мир, и нет прошлой жизни, сколько духовные силы и богатства народа, сопротивляющегося тяготам этой жизни, не вполне решена Коничевым.

Фелот Шубин — одна из тех фигур, которые двинули историю русского народа вперед, но автор слабо выявляет силу его духа, сопротивление гнету крепостничества и царизма, и у него биография Шубина получилась скорее как трагедия личности, определившей свой век.

Стремясь возвысить образ своего героя, автор нарочито принимает окружающую его среду. Екатерина, Голицин, Дидро обрисованы примитивно, упрощенно, бледно. Беседы императрицы с великим философом века Дидро звучат, как разговоры соседей по имени. Придворная жизнь и светское общество описаны вяло и вульгарно.

Вторая, также не вычлещанная вещь Коничева — «Деревенская повесть», по мнению выступивших, удалась автору. Она написана со строгой, мужественной простотой, в ней чувствуется настоящее знание жизни, людей, глубокая, органическая связь с природой.

Писатели положительно отзывались также и о повести «За родку», в которой тепло и правдоподобно показана жизнь пограничника. В первой части хорошо дан образ героя Андрея Корачина. В повести, по мнению А. Тарасова, обстоятельно горювшего о всем творчестве Коничева, особенно хорошо и целому ряду показана любовь девушки к Корачину. Вторая часть повести, где автор рисует жизнь боя и описывает его геройский поступок, получилась значительно слабее.

В этой вещи, как и в других произведениях Коничева, чувствуется описка, стремление рассказать за героя то, что с ним происходит.

Все это было более досадно, что Коничев — писатель одаренный и при более сосредоточенной, добросовестной работе над материалом мог бы от своих недостатков избавиться. В прениях выступил также поэт Л. Мартынов.